

1. Несколько вступительных замечаний	2
2. Рождение государства-коммуны	5
3. Возвращение к продразверстке.	18
4. "Великий перелом"	28
5. Колхозный строй в период сталинской продразверстки.....	37
6. Голод в первой половине 1932 г.	51
7.Дебаты вокруг политики "подхлестывания".....	59
8. Вторая хлебозаготовительная комиссия В.М.Молотова.....	69
9. Плоды новогодней телеграммы Сталина.....	83
10. Колхозы во второй пятилетке.	96
11. Демографические последствия Голодомора	101

1. Несколько вступительных замечаний

Получив предложение ответственного редактора книги подготовить раздел о голоде 1932-1933 гг. в Украине, я долго раздумывал, как донести свое понимание этого события до российского читателя. Верховная Рада Украины в ноябре 2006 г. приняла закон, в котором Голодомор квалифицируется как геноцид. С этого времени трагическая страница общего прошлого стала разъединять правительства и народы обеих стран. Украинское общество тоже разделилось на два противоборствующих лагеря. Люди не хотят слышать аргументов противоположной стороны, каждая убеждена, что доводы оппонентов несостоятельны.

Не думаю, что меня можно упрекнуть в политической предубежденности. Вывод о том, что украинский голод был геноцидом, я сделал задолго до обретения независимости Украиной и Россией¹. Моя первая монография о голоде была итогом четырехлетней работы в тех архивах, к которым историков не допускали. Запретная тогда тема голода была навязана руководством Компартии Украины именно мне по той причине, что я работал в отделе Института истории АН УССР, который специализировался на межвоенном периоде 1921-1940 гг. Цекисты полагали, что ученые АН УССР могут найти аргументы, которые опровергнут выводы образованной в Конгрессе США комиссии по расследованию украинского голода 1932-1933 гг. Их поручение свидетельствовало о том, что третье поколение компартийно-советских руководителей плохо ориентировалось в недавнем прошлом собственной страны.

Чтобы войти в проблему по-настоящему, четырех лет работы оказалось недостаточно. Мой вывод о геноциде, как и выводы Р.Конквеста и Дж.Мейса, подкреплялся в большей степени показаниями выживших очевидцев, чем документами. Однако с осени 1986 г. утекло много воды, и теперь украинская трагедия получила свою документальную базу.

Не буду прямозатрагивать тему о геноциде, она принадлежит правоведам. Свою задачу вижу в том, чтобы читатель задумался над

приведенными в этом разделе аргументами и подошел к теме с позиции науки.

У многих, кто читал мои работы, сложилось впечатление, что я каменной стеной отделяю украинский Голодомор от общесоюзного голода. Такой вывод упрощает то, что произошло в действительности. Голод в УССР довольно долго не отличался от общесоюзного, и только в последние месяцы 1932 г. на ограниченном пространстве (а именно – в селах, поставленных на "черную доску") обрел свой новый устрашающий облик. В январе 1933 г. на "черную доску", фигурально выражаясь, была поставлена вся Украина. В республике продолжали действовать причины, которые обусловили общесоюзный голод, но появилась новая репрессивная составляющая – конфискация всего нехлебного продовольствия у тех, кого государство обвиняло в саботаже хлебазаготовок. Эту конфискацию за несколько недель провели чекисты под маскировочным покровом хлебазаготовительной кампании при полной блокаде сельской местности – информационной и физической. Сельское население внезапно оказалось в ситуации глубокого голодания. Со второй декады февраля государство начало предоставлять ему широко разрекламированную продовольственную помощь. Помогали, однако, не всем и не везде, так что погибли миллионы. Информационная блокада по инерции продержалась до декабря 1987 г., ибо никто из советских руководителей не отважился приоткрыть этот ящик Пандоры.

Такова, в нескольких словах, схема украинского Голодомора. Он стал следствием определенного стечения обстоятельств места и времени, обусловленных социально-экономической и национальной политикой Кремля. Следует доказать, что общесоюзный голод был вызван курсом на строительство коммунизма методом проб и ошибок. Следует показать также, что перерастание голода в Голодомор стало следствием тщательно законспирированных преступных действий немногочисленного сталинского окружения. Мы поймем мотивы Сталина, анализируя совокупность происходивших событий, но не обнаружим документов, прямо их

подтверждающих, ибо диктатору не нужно было объяснять свои действия подчиненным. Однако подчиненные нуждались в инструкциях, и поэтому мы сможем задокументировать механизм террористической акции, следствием которой стало умышленное убийство голодом миллионов крестьян.

В украинском обществе есть люди, которые обвиняют в организации Голодомора Россию. В таких случаях всегда вспоминаю фильм с участием прославленного Алексея Баталова, сюжет которого объясняется названием: "Чисто английское убийство". Смерть в миллионных масштабах от голода 1932-1933 гг. была закономерным следствием эксперимента по созданию методами насилия и пропаганды "идеального" социально-экономического строя, контуры которого родились в головах небольшой группы революционеров. Убийство голодом в Украине оказалось возможным вследствие колоссальной концентрации политической власти, которая стала необходимой, чтобы превратить преобладавших в стране мелких собственников в пролетариев. Созданная В.И.Лениным партия оказалась игрушкой в руках диктатора. Чтобы удержаться у власти в ситуации им же вызванного кризиса, Сталин не остановился перед масштабными репрессиями, в том числе самой страшной – террором голодом. Так что украинский Голодомор – это чисто советское убийство.

В российской обществе сложилось ошибочное мнение о том, что репрессии коммунистического режима не имели национальной составляющей. "Пролетарские интернационалисты", а именно таковыми считали себя вожди большевистской партии, старались не выявлять негативного отношения к народам. Они поднимали на щит классовую борьбу, изображая насилие над эксплуататорскими классами как магистральный путь к "светлому будущему" – коммунизму. Но коммунистический строй насаждался в многонациональной стране, и сопротивление этому курсу Кремля в национальных регионах варьировалось в широких пределах. Преодолевая его, руководители большевиков

использовали сильные, порой страшные методы, но всегда маскировали сущность национальной политики лексикой классовой борьбы.

2. Рождение государства-коммуны

Возвратившись из эмиграции в революционный Петроград, вождь большевиков В.И. Ленин выступил перед участниками Всероссийского совещания советов рабочих и солдатских депутатов. Десять тезисов, которые содержались в докладе, большевистская газета „Правда” напечатала 20 апреля 1917 г. "Апрельские тезисы" – один из ключевых документов в вековой истории КПСС. В отличие от точных рекомендаций в деле борьбы за власть, план действий после установления „диктатуры пролетариата” формулировался в тезисах завуалированно — как краткий перечень задач. Таких задач оказалось четыре, и все были связаны с коммунистическим строительством. Речь шла о переименовании партии большевиков из социал-демократической в коммунистическую; принятии партией новой, коммунистической программы; построении государства-коммуны; объединении иностранных партий с подобной программой в Коммунистический интернационал². Означало ли это, что цепь причинно-следственных связей, которая завершилась Голодомором, вела свое начало от Российской революции 1917 г.? С таким выводом спешить не следует .

Советская историография изображала коммунистические преобразования как требования масс, которые проявились в народной революции и были реализованы большевиками. Чтобы обосновать это утверждение, Российская революция была разделена на две — Февральскую буржуазно-демократическую и Октябрьскую пролетарскую. От Октябрьской революции начинался отсчет коммунистических преобразований. Нужно различать, однако, приход большевиков к власти и начало реализации ими ленинского тезиса о „государстве-коммуне”. Несмотря на то, что этот тезис был сформулирован в апреле 1917 г. как цель, которую большевики намеревались воплотить в жизнь после прихода к власти, он не был связан с

Российской революцией. Можно сказать даже больше: идею государства-коммуны отделяла от Российской революции целая пропасть.

Политические партии в этой революции были представлены двумя блоками — либеральным и социалистическим. Термин „социализм” надо понимать в его первичном значении, которое не имеет ничего общего с дальнейшими модификациями — ленинской (социализм как первая фаза коммунизма) и гитлеровской (национал-социализм). Либеральный блок, во главе которого стояла партия кадетов, был менее радикальным, а социалистический (главным образом меньшевики и эсеры) — более радикальным. Оба блока образовывали в революции единый демократический лагерь и соглашались с тем, что страну нужно вести к Учредительному собранию. Однако наряду с политическими партиями сформировался еще один участник революционных действий — лагерь народных низов в виде советов. В отличие от партий, советы требовали немедленной экспроприации помещиков и буржуазии. Шла речь не только о ликвидации институтов власти и перераспределении собственности, как во всех известных историкам революциях, но и об уничтожении общественных классов. Экстремистские требования советов были следствием присущей России острой социальной конфронтации, умноженной на бремя изнурительной мировой войны.

Подавляющее большинство представленного в советах рабочего класса (в том числе и в украинских губерниях) поддерживало партию меньшевиков, которая разделяла позицию европейской социал-демократии о необходимости согласования интересов труда и капитала путем переговоров. Среди крестьянско-солдатских представителей в советах особым влиянием пользовались эсеры, которые тоже желали выйти из революции на основании законов, принятых легитимным путем, т.е. через Учредительные собрания. Эти партии пользовались влиянием в советском лагере — анархическом и деструктивном. Они рассматривали советы как временные организации, призванные воспрепятствовать мобилизации контрреволюционных сил.

В.И.Ленин выдвигал лозунг „Вся власть — Советам!” Его стратегия заключалась в том, чтобы завладеть советами изнутри, сбросить Временное правительство и поставить на его место собственное правительство в советской оболочке. Завоевание большинства в советах для партии Ленина было реальной задачей. Доктринальный экстремизм большевиков, которые стояли за ликвидацию частной собственности на средства производства, частично совпадал со стихийным экстремизмом советов, которые требовали экспроприации собственности помещиков и буржуазии. На практике лозунг „Вся власть — Советам!” означал установление однопартийной диктатуры. Большевики должны были изгнать из советов представителей других партий. Сливаясь с большевистской партией и становясь властью на всех уровнях государственного руководства и местного самоуправления, советы теряли политическое значение, но формально оставались самостоятельной организационной структурой .

В первые месяцы революции успехи большевиков были невелики. Выступая под собственными лозунгами, они не обрели популярности у населения, которое шло за советами. Поэтому в августе 1917 г. Ленин временно отказался от собственных и взял на вооружение советские лозунги. Вместо лозунга превращения войны империалистической в войну гражданскую большевики поддержали всенародное требование о заключении сепаратного мира. Вместо требования преобразовать помещичьи имения в советские хозяйства (совхозы) они поддержали крестьянский лозунг „черного передела”.

Советские лозунги отделяла от коммунистических целая пропасть. В „Манифесте Коммунистической партии”, который стал своеобразной Библией для В.И.Ленина и его сторонников, К.Маркс и Ф.Энгельс высказывались предельно четко: „Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности”³. Однако участники Российской революции не думали уничтожать частную собственность как таковую. Крестьяне, которые составляли большинство

населения страны и численно преобладали в солдатских советах, стремились приумножить свою собственность за счет помещиц. Рабочие тоже желали, говоря современным языком, приватизировать предприятия, на которых работали. Октябрьский переворот, который дал власть большевикам, осуществлялся под советскими, а не под коммунистическими лозунгами.

Политический режим, который установился после октябрьского переворота в Петрограде и за несколько месяцев распространился на большую часть бывшей Российской империи, был продуктом ленинского гения. Он представлял собой симбиоз диктатуры большевистской партии, которую ее пропагандисты позиционировали как „диктатуру пролетариата”, с вполне реальной и рассредоточенной по всей народной толще властью советских органов. Благодаря советам большевистская партия приобретала государственный статус. В обоих своих компонентах — исполкомах советов и партийных комитетах — советская власть была реальной, но разной по характеру: управленческой — в советах и диктаторской — в парткомах. Все существующие в стране организационные структуры имели вертикальное строение и руководствовались в своей деятельности принципом "демократического централизма", который предполагал подчинение нижестоящих ячеек вышестоящим. Таким образом, сплетенные между собой партийная и советская вертикали обладали колоссальной властью в каждом иерархическом звене, но это была власть по доверенности. Диктаторская власть в полном объеме концентрировалась на острие построенной большевиками пирамиды — в политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б). Материальным выражением компартийной диктатуры были органы государственной безопасности. Формально они являлись составной частью советских органов власти, но реально сливались с партийными органами, подчиняясь во всех иерархических звеньях только самим себе, и лишь в своем высшем звене — политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б).

Советскую власть не зря называли рабоче-крестьянской. Ведь советские органы власти не только избирались рабочими и крестьянами, они

состояли из них же. Пропагандисты всячески подчеркивали народный характер власти, которую называли советской. Но советские органы власти представляли собой лишь один сегмент политического режима. Сплетенный из двух вертикалей, диктаторский режим не зависел от избирателей и был вполне свободен в своих действиях. Общаясь с населением, он использовал средства насилия, пропаганды и воспитания. Обусловленное государственным террором отсутствие контрпропаганды существенным образом повышало эффективность пропагандистского и воспитательного воздействия на общество. Руководители партии большевиков уже весной 1918 г. оказались в состоянии поставить в повестку дня коммунистические лозунги, от которых отrekliсь в августе 1917 г.

Марксизм имел немало принципиальных отличий от учения, которое называли в СССР марксизмом-ленинизмом. Главнейшим, наверное, было то, что К.Маркс считал коммунистическое общество закономерным продуктом объективного естественно-исторического развития человечества. В его работах мы не найдем понятия „коммунистическое строительство”. В.И.Ленин, однако, считал, что ждать вызревания коммунизма не следует. Строительство коммунизма он рассматривал как главную обязанность пролетарской (но только своей) партии после ее прихода к власти.

Вожди большевиков, начиная с Ленина, не случайно хотели облачить коммунистический эксперимент в оболочку народной революции 1917 г. Это позволяло представить эксперимент собственного изобретения как выражение устремлений народных масс. Большевики выглядели в этом случае партией, призванной реализовать эти устремления.

Немало современников Ленина поверили в то, что большевики хотят ввести строй, основанный на принципе „от каждого — по способностям, каждому — по потребностям”. Они старались убедить ленинскую партию в утопичности такого замысла. Но большевистские пропагандисты с удвоенной энергией доказывали реальность построения общества, в котором люди будут пользоваться материальными и духовными благами по

потребностям. Поэтому суть коммунизма в сознании нескольких поколений советских людей неразрывно связалась с принципом „каждому — по потребностям”. В действительности же суть коммунизма определялась отношениями собственности, а не распределения. Вслед за К.Марксом западноевропейские марксисты отождествляли коммунизм с обществом отдаленного будущего, в котором государство отмирает. Ленин же требовал немедленно создавать государство-коммуну. С этой целью большевики должны были под видом национализации (обращения в собственность нации) или обобществления (обращения в собственность общества) передать все средства производства в собственность советскому государству. Учитывая специфику советской власти, это означало передачу средств производства в собственность государственной партии, а еще точнее — в частную собственность ее вождей.

Преобразование обретенной в ноябре 1917 г. власти в диктатуру и распространение диктатуры в форме „триумфального шествия Советской власти” на основную часть бывшей империи было закончено к весне 1918 г. Весной вышли в свет брошюра Н.И.Бухарина „Программа коммунистов (большевиков)” и статья В.И.Ленина „Очередные задачи Советской власти”. В брошюре, которая появилась как раз тогда, когда партия меняла свое название, были нарисованы заманчивые картины будущего коммунистического строя. В статье Ленина коммунистические преобразования провозглашались очередными задачами советской власти. Речь шла о превращении крупного производства в общенародную (т.е. государственную) собственность, фактическом огосударствлении мелкого производства, ликвидации товарно-денежных отношений и создании на руинах рыночной экономики централизованного планового хозяйства.

Всю грандиозность преобразований большевистская верхушка хорошо понимала. На Всероссийском съезде советов народного хозяйства в мае 1918 г. Ленин охарактеризовал их в таких выражениях: „Нам надо совершенно по-новому организовать самые глубокие основы человеческой

жизни сотен миллионов людей”⁴. Порядок цифр доказывает, что вождь мирового пролетариата, как его уже называли в советских газетах, мыслил планетарными масштабами. Отголосок таких масштабов мы видим и в Конституции УССР, утвержденной III Всеукраинским съездом советов в марте 1919 г.: „Украинская Социалистическая Советская Республика заявляет о своей твердой решимости войти в состав Единой Международной Социалистической Советской Республики, как только создадутся условия для ее возникновения”⁵.

Главным пунктом коммунистических преобразований было изменение социальной природы многомиллионного крестьянства. Его можно было осуществить только путем сплошной коллективизации сельского хозяйства. В постсоветской историографии делается ударение на том, что программа преобразования преимущественно аграрной страны в индустриальную требовала мобилизации крестьянских средств, которая могла быть проведена только в коллективизированной деревне. Не акцентируется, однако, более существенное обстоятельство: крестьянину-собственнику не было места в государстве-коммуне. Руководителям партии требовалась индустриально развитая страна, способная вооружить Красную армию совершенным оружием. Но прежде всего им требовалась послушная страна, каждый гражданин которой должен был находиться в зависимости от власти.

В партийной программе подчеркивалось, что РКП(б) рассматривает "устройство советских хозяйств и поддержку обществ, а равно товариществ для общественной обработки земли вплоть до сельскохозяйственных коммун, как единственный путь к абсолютно необходимому повышению производительности земледельческого труда”⁶. Однако тезис о производительности труда был маскировочным. Крупные сельскохозяйственные предприятия в форме совхозов и коммун решали проблему налаживания нетоварной смычки сельской экономики с национализированными „командными высотами”. Ставя на повестку дня вопрос об изменении социального статуса тех, кого большевики

пренебрежительно называли „мелкой буржуазией” — мелких производителей и земледельцев, Ленин подчеркивал: „Главный вопрос революции заключается теперь в борьбе против этих двух последних классов. Чтобы освободиться от них, необходимо применять другие методы, чем в борьбе против крупных землевладельцев и капиталистов”⁷. Итак, требовалось найти другие методы, но все-таки „освободиться от них”.

Чтобы освободиться от крестьян-собственников, в конце 1918 г. Совнарком подготовил декрет, характер и цель которого раскрывались в самом названии: „О социалистическом землеустройстве и о мероприятиях по переходу к социалистическому земледелию”. В тексте декрета содержалась знаменательная фраза: „На все виды единоличного землепользования следует смотреть как на преходящие и отживающие”⁸. Для его апробации в Москве был созван Всероссийский съезд земельных отделов, комитетов бедноты и коммун. Советские чиновники одобрили декрет, после чего он был принят Всероссийским съездом советов и опубликован 14 февраля 1919 г. Месяцем позднее была утверждена вторая партийная программа, в которой предусматривались только две формы хозяйствования на селе — совхозы и коммуны.

Восстановление советской власти в Украине совпало во времени с этим радикальным поворотом. Республика, где еще сохранялось помещичье землевладение, была обречена превратиться в испытательный полигон по созданию в сельском хозяйстве крупного производства. Нарком земельных дел УССР В.Н.Мещеряков заявил, что в Украине нет оснований с самого начала повторять путь, пройденный в Великороссии: распределять всю землю, растягивать и делить, а потом на пустом месте создавать коммуны и совхозы. Правительство УССР уже с марта 1919 г. начало превращать часть помещичьих имений в совхозы или коммуны.

Украинское крестьянство ответило на это повстанческим движением. Красная армия, которая тогда была сформирована из повстанческих отрядов, возникших в ходе борьбы с немецко-австрийскими оккупантами, потеряла

боеспособность. На подавление крестьянских восстаний были брошены отряды интернационалистов, сформированные для оказания помощи советской Венгрии. В результате честолюбивые мечты „вождей мирового пролетариата” В.И.Ленина и Л.Д.Троцкого войти в Европу не реализовались. Более того: Красная армия потерпела поражение в Донбассе, войска А.И.Деникина летом 1919 г. молниеносно оккупировали Украину и двинулись на Москву.

Большевикам удалось справиться с белогвардейской угрозой, и осенью 1919 г. три армии Л.Д.Троцкого снова вошли в Украину. Ленин учел урок противостояния с крестьянством, и в резолюции „О Советской власти на Украине”, которую приняла в декабре 1919 г. VIII Всероссийская конференция РКП(б), аграрная политика большевиков обрела принципиально иной вид, нежели тот, который предполагался партийной программой. Партконференция утвердила такие задачи земельной политики в УССР:

1) Полная ликвидация восстанавливаемого Деникиным помещичьего землевладения с передачей земель безземельным и малоземельным крестьянам.

2) Советские хозяйства строить только в строго необходимых размерах, сообразуясь с жизненными интересами окружающего крестьянства;

3) В деле объединения крестьян в коммуны, артели и т.п. строго проводить политику партии, которая не допускает в этом отношении никакого принуждения, предоставляя это исключительно свободному решению самих крестьян и строго карая за всякие попытки внести в это дело начало принуждения”⁹.

Таким образом, отход от „черного передела”, который провозгласил Декретом о земле II Всероссийский съезд советов, был списан на инициативу местной власти. Не в силах разобраться в хитросплетениях аграрной политики Кремля, крестьяне после поражения деникинцев приветствовали большевиков, одновременно называя коммунистов грабителями.

Крестьянскую реакцию в Украине на идею коллективизации Ленин учел, определяя перспективы аграрной политики для всей страны. В декабре 1920 г. на VIII Всероссийском съезде советов он сказал: „Надо опираться на единоличного крестьянина, он таков и в ближайшее время иным не будет, и мечтать о переходе к социализму и коллективизации не приходится”¹⁰.

К чему вел вынужденный отказ большевиков от коллективизации сельского хозяйства? Приходится повторить, что коллективизация пропагандировалась не с целью повышения производительности крестьянского труда (хотя это был единственный аргумент большевистских пропагандистов), а для того, чтобы сомкнуть частновладельческую сельскую экономику с национализированной городской. Коммунистический штурм не мог не задеть села даже тогда, когда власть отказалась от насаждения совхозов и коммун. Оставляя производителей сельскохозяйственной продукции экономически независимыми (тогда появился термин „единоличники”), государство все-таки должно была получить продовольствие, чтобы накормить армию и рабочих национализированных предприятий.

В нормальных условиях товаропроизводители города и села общались между собой через рынок. Уровень цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию устанавливался по закону спроса и предложения. Но государство-коммуна своим существованием разрушало рынок и создавало острую потребность в централизованном регулировании отношений между городом и селом. Проблема заключалась в том, что в городе вместо бесчисленного количества товаропроизводителей появился только один, который даже не желал называть свою продукцию товаром, т.е. выходить с ней на рынок. Спрос государства на сельскохозяйственную продукцию резко возрос, ведь оно создавало миллионные армии, чтобы обеспечить победу в гражданской войне и при случае предоставить „интернациональную помощь” единомышленникам в Европе, которые рекрутировались Коминтерном с невиданной скоростью. С

другой стороны, национализация предприятий вызвала глубокую хозяйственную разруху, и город почти ничего не мог предложить селу в порядке натурального продуктообмена. Оставалось одно: реквизировать крестьянскую продукцию, вводить продовольственную разверстку.

9 мая 1918 г. появился декрет ВЦИК "О предоставлении народному комиссариату продовольствия чрезвычайных полномочий в борьбе с сельской буржуазией, которая скрывает хлебные запасы и спекулирует ими". Объявлялось, что крестьяне обязаны сдавать запасы хлеба, которыми они обладали, по государственным расценкам. Рыночная торговля хлебом запрещалась как спекулятивная. 21 ноября 1918 г. Совнарком РСФСР принял декрет „Об организации снабжения населения всеми продуктами и предметами личного потребления и домашнего хозяйства”. Декрет возлагал на государство в лице наркомпрода обязанности по заготовке и распределению среди населения всего того, что оно приобретало через запрещенную теперь торговлю. Заготовители начали накладывать на крестьян обязательные задания, исходя из имеющихся нужд, после чего распределяли их по уездам, волостям и селам. Наконец, 11 января 1919 г. появился декрет о хлебной и фуражной разверстке. В Украине, которая сохраняла формальную независимость, коммунистическое распределение и продразверстка были внедрены одним декретом ВУЦИК „Об общегосударственном учете и распределении продуктов и предметов домашнего хозяйства” от 12 апреля 1919 г.

Когда крестьяне убеждались, что государство забирает себе все то, что они намеревались продать на рынке, то теряли интерес к работе. Посевные площади, особенно под технические культуры, резко сокращались. Полученная после раздела помещичьих имений земля оставалась необработанной.

И снова выходило так, что наибольшее сопротивление продразверстке оказывало украинское крестьянство. Весной 1920 г., когда шла радикальная аграрная реформа (в духе „черного передела”), оно поддержало советскую

власть. В связи с этим потерпели неудачу расчеты С.В.Петлюры после захвата Киева войсками Ю.Пилсудского поднять всеукраинское крестьянское восстание. Однако уже осенью этого года возмущенные продразверсткой крестьянские массы начали борьбу с частями Красной армии, которые принимали непосредственное участие в реквизициях. „Кулацкий бандитизм”, как называли большевистские агитаторы новую вспышку гражданской войны после ликвидации польского и врангелевского фронтов, широкой волной разлился по всей Украине. Чтобы удержать ее под своим контролем, Кремлю пришлось держать в республике миллионную армию, которая состояла из красноармейцев, мобилизованных в других регионах.

VIII Всероссийский съезд советов в декабре 1920 г. утвердил разработанный Государственной комиссией по вопросам электрификации России (ГОЭЛРО) план восстановления и развития основных отраслей народного хозяйства. Выступая на съезде, В.И.Ленин выразил надежду, что продразверстка 1921 г. даст государству не меньше 300 млн. пудов хлеба, и при этом заметил: „Без такого фонда невозможно восстановить промышленность страны, невозможно думать о возрождении транспорта, невозможно даже подходить к великим задачам электрификации России”¹¹. Вождь большевиков, следовательно, собирался выполнять рассчитанный на 10-20 лет план ГОЭЛРО с помощью реквизиции крестьянской продукции. Можно ли было принудить крестьян согласиться на реквизиции, если перед тем государство не было в состоянии загнать их в коллективные хозяйства?

Снова-таки, Ленин рассчитывал на насилие. По его поручению правительство разработало законопроект „О мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства” и внесло его в ЦИК РСФСР для рассмотрения на VIII съезде советов. Предполагалось дополнить разверстку крестьянской продукции разверсткой посева. Считалось, что двойная разверстка даст возможность предотвратить ожидаемое катастрофическое сокращение посевов в 1921 г. В выступлении на съезде 24 декабря 1920 Ленин так охарактеризовал разработанный документ: „Сущность

законопроекта в том, чтобы сейчас прийти к практическим мерам помощи крестьянскому единоличному хозяйству, которое преобладает, такой помощи, которая заключалась бы не только в поощрении, но и в принуждении»¹².

23 декабря 1920 г. законопроект стал законом. Трудно сказать, задумывались ли делегаты съезда над тем, что доведенными до каждого крестьянского двора государственными „уроками” на посев они возвращают крестьянина в такое положение, которое существовало до 1861 г. Курс на коммунистическое строительство подталкивал партию к фактическому введению крепостничества.

Реализация этого закона могла бы закончиться для советской власти катастрофой. В.И.Ленин своевременно понял это и отменил разверстку. Крестьяне получили возможность свободного выхода на рынок после уплаты государству определенного налога. В первой половине 1921 г. правительство перешло к новой экономической политике, которая позволила в короткие сроки покончить с хозяйственной разрухой.

Не желая пятнать доктрину и основанную на ней программу РКП(б), Ленин в марте 1921 г., т.е. уже после перехода к нэпу назвал коммунистические преобразования 1918-1920 гг. "военным коммунизмом". Осуждение коммунистического штурма он подменил утверждением о том, что штурм был вызван условиями гражданской войны и иностранной военной интервенции. Во всех советских энциклопедиях "военный коммунизм" стали трактовать как систему чрезвычайных социально-экономических мероприятий временного характера, и не более того. Завоеванием первого коммунистического штурма оказались только "командные высоты" народного хозяйства. Экономический фундамент советской власти остался недостроенным.

3. Возвращение к продразверстке.

Цель навязанных стране социально-экономических преобразований состояла в установлении контроля над обществом со стороны коммунистической партии, которая слилась с государством в единое целое. Для установления такого контроля требовалось поставить каждого гражданина не только в политическую, но и в экономическую зависимость от государства. В 1919 г. Н.И.Бухарин сформулировал эту цель одним предложением: "Политическая диктатура рабочего класса должна неизбежно быть и его экономической диктатурой"¹³.

Однако в условиях нэпа советское государство вынуждено было поддерживать рыночное равновесие между городом и деревней. Десятки миллионов крестьян-собственников свободно распоряжались своей продукцией после уплаты налога, что было естественно в нормальном обществе, но неестественно в советском. Нэпманы, которые появились после прекращения коммунистического штурма, не представляли реальной угрозы для власти. Такой угрозой оказалось крестьянство уже в силу того, что оно существовало и производило столь необходимую для города продукцию за рамками государства-коммуны.

В 1921-1922 гг. В.И.Ленин убеждал партию, что нэп – лишь временное отступление от взятого в 1918 г. курса. В брошюре "О продовольственном налоге" (апрель 1921 г.) он рекомендовал воспользоваться этим отступлением для развития в деревне крестьянской кооперации. Вождь был уверен, что поставки деревенской продукции городу через каналы кооперативного капитализма более выгодны, чем развитие индивидуальной торговли. "Политика кооперативная, – писал он, – в случае успеха, даст нам подъем мелкого хозяйства и облегчение его перехода, в неопределенный срок, к крупному производству на началах добровольного объединения"¹⁴. Вовлечение сельских производителей в коммунистическую экономику он связывал, как того требовала им же написанная программа РКП(б) 1919 г., с развитием в деревне совхозов и коммун. Памятуя остро негативную реакцию

украинских крестьян, которых в 1919 г. попытались загнать в совхозы и коммуны, он не ставил задачу создать крупное сельскохозяйственное производство в обозримом будущем. "Неопределенный срок" – вот ключевые слова, которыми Ленин пользовался, когда заходила речь о крупном производстве в деревне.

Все изменилось, когда смертельная болезнь отстранила родоначальника РКП(б) и Советского государства от активной политической деятельности. Высказывая свою последнюю волю в письмах и статьях, продиктованных с конца декабря 1922 г. до начала марта 1923г., Ленин остановился и на аграрно-крестьянском вопросе. В статье "О кооперации" он обосновал кооперативный план – своеобразную альтернативу пропагандируемой ранее идее коллективизации сельского хозяйства. Теперь он считал, что рост кооперации адекватен росту социализма. Кооперация могла существовать только в условиях рынка. Поэтому такое сенсационное утверждение было существенным отступлением от коммунистической доктрины. Ленин всегда оставался прагматиком, приспособляя главную идею марксизма об уничтожении частной собственности к реалиям собственной страны. Столкнувшись с непреодолимой силой крестьянского сопротивления, он после штурма 1918-1920 гг. провозгласил новую экономическую политику и обозначил в качестве ближайшей перспективы не коммунизм, а его первую фазу – социализм (в марксистской трактовке). В статье "О кооперации" он отождествил кооперацию одновременно и с рынком, и с социализмом, после чего заявил: "Теперь мы вправе сказать, что простой рост кооперации для нас тождественен ... с ростом социализма, и вместе с этим мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм"¹⁵. С момента публикации брошюры "О продовольственном налоге" в понимании родоначальника большевизма произошла разительная трансформация коммунистической перспективы.

Сколько бы большевики не твердили, что будущая кооперация будет добровольной, невозможно было поверить в то, что крестьянин-собственник

способен отказаться от своего хозяйства без давления извне. В кооперативы же он охотно шел с дореволюционных времен. Поэтому Ленин не случайно попросил стенографистку выделить в статье курсивом ключевые слова: кооперация делает переход к новым порядкам *"возможно более простым, легким и доступным для крестьянина"*.¹⁶

Изменение точки зрения на кооперацию дало возможность Ленину прогнозировать длительность преобразований в сельском хозяйстве, а не прятаться за словосочетанием "неопределенный срок". "Чтобы достигнуть через нэп участия в кооперации поголовно всего населения, — подчеркивал теперь Ленин, — вот для этого требуется целая историческая эпоха. Мы можем пройти на хороший конец эту эпоху в одно-два десятилетия"¹⁷. Другими словами, создание "строя цивилизованных кооператоров" определялось в пределах выполнения плана ГОЭЛРО.

Кооперативный социализм остался нереализованной альтернативой заложенной в программу РКП(б) схеме стратегических действий. Поэтому о нем трудно сказать что-то определенное. Даже его существование в качестве идеи приходится доказывать тщательным сопоставлением неодинаковых в разное время подходов руководителей РКП(б) к нэпу и кооперации¹⁸. Но в свете того, как разворачивались события в партии и государстве после Ленина, концепция кооперативного социализма вызывает значительный интерес.

После того, как В.И.Ленин покинул в декабре 1922 г. свой кабинет в Кремле, на вершине властной пирамиды развернулась острая борьба за единоличную власть. Природа установленной в СССР диктатуры была олигархической, каждый из членов политбюро ЦК РКП(б) имел равные с другими властные полномочия. Борьба внутри партийного руководства развернулась как на персональном, так и на доктринальном уровне. Олигархи должны были ответить на главный вопрос: что делать с крестьянством? Продиктованные вождем документы (в том числе и политического свойства) предписывали его преемникам изменить структуру власти, приспособив

ее к экономическому фундаменту общества. Но к этому склонялись лишь трое из семи членов политбюро ЦК РКП(б) – Н.И.Бухарин, А.И.Рыков и М.П.Томский. Четверо других (Г.Е.Зиновьев, Л.Б.Каменев, И.В.Сталин и Л.Д.Троцкий) были настроены приспособить общество к установленной большевиками диктатуре. После шестилетней борьбы победил тот из этой семерки, который в силу своих функциональных обязанностей имел возможность формировать персональный состав руководящего компартийно-советского аппарата.

И.В.Сталин уже с 1925 г. взял курс на создание в деревне коллективных хозяйств, основанных на отчуждении крестьянской собственности – полном (в коммунах), промежуточном(в артелях) или начальном (в товариществах по совместной обработке земли). По его настоянию в директивы XV съезда ВКП(б) по разработке перспективного плана было внесено задание провести до конца первой пятилетки коллективизацию 20% крестьянских посевов. Генеральный секретарь ЦК отнюдь не возражал против образования коллективных хозяйств совсем иного рода – кооперативов, в которых не нарушалось право собственности крестьян на их средства производства и произведенную продукцию. Но кооперирование села шло вразрез с коммунистической доктриной. Поэтому те в партии, кто вслед за Сталиным готовились покончить с нэпом и возобновить коммунистический штурм, считали кооперативное движение всего лишь подготовкой к той коллективизации, которая была предусмотрена программой РКП(б) 1919 г. В ответ на заявления Н.И.Бухарина о том, что партия забывает ленинский кооперативный план, Сталин в беседе со студентами партийных учебных заведений в мае 1928 г. сказал: "Иногда колхозное движение противопоставляется кооперативному движению, полагая, очевидно, что колхозы – это одно, а кооперация – другое. Это, конечно, неправильно. Некоторые доходят даже до того, что колхозы противопоставляют кооперативному плану Ленина. Нечего и говорить, что такое противопоставление не имеет ничего общего с истиной. На самом деле

колхозы есть вид кооперации, наиболее яркий вид производственной кооперации"¹⁹.

Следует отметить, что сам Ленин облегчил возможность фальсификации своей политической воли. Критически осмысленный опыт штурма 1918-1920 гг. мог бы заставить большевиков задуматься над перспективами развития страны. Но маскировочный покров придуманного вождем понятия "военный коммунизм" не позволил им понять, что коммунистическая доктрина утопична по самой своей природе. А в статье "О кооперации" Ленин пропагандировал экономические и политические выгоды курса партии на кооперирование крестьянских хозяйств, ни словом не обмолвившись о коллективизации и колхозах. Об изменении его отношения к лозунгу коллективизации можно было только догадываться, а члены партии привыкли к четким идеологическим установкам.

На встрече с иностранными рабочими делегациями, которые съехались в Москву накануне 10-й годовщины Октябрьской революции, Сталина спросили: „Как думаете вы осуществить коллективизм в крестьянском вопросе?“ Тот ответил так: „по линии организации индивидуальных крестьянских хозяйств в кооперацию; по линии организации крестьянских хозяйств, главным образом бедняцкого типа, в производственные товарищества“. Тут же он признал нужным опровергнуть то, о чем его не спрашивали: „до всеохватывающей коллективизации дело еще не пришло и не скоро придет“²⁰. Понятие „всеохватывающая коллективизация“ было неологизмом и раскрывало планы Сталина относительно села накануне второго коммунистического штурма.

Первый практический шаг к тому, что генсек назвал „всеохватывающей коллективизацией“, был сделан уже через несколько недель. В политическом отчете ЦК, с которым Сталин выступил в декабре 1927 г. на XV съезде ВКП(б), отмечалось, что темпы экономического развития на селе нельзя признать удовлетворительными. После этого Сталин поставил перед делегатами вопрос: "Где выход для сельского хозяйства?"

Может быть, в замедлении темпа развития нашей промышленности вообще, нашей национализированной промышленности в частности?" После этого был сформулирован „очевидный” ответ: "Выход в переходе мелких и распыленных крестьянских хозяйств в крупные и объединенные хозяйства на основе общественной обработки земли, в переходе на коллективную обработку земли на базе новой, высшей техники"²¹.

Установив контроль над командными высотами экономики, советское правительство взяло на себя бремя продовольственного снабжения занятой в них рабочей силы. Так городское население попало в зависимость от государства, а государство — от крестьян. Кризис снабжения, обусловленный нежеланием крестьян продавать хлеб государству в 1927–1929 гг. по низким ценам, отразился на материальном положении рабочего класса. Рабочие видели причину кризиса в нежелании крестьян считаться с их интересами. Мощный пропагандистский аппарат именно так интерпретировал хлебозаготовительные затруднения, которые на самом деле были вызваны форсированием темпов индустриализации за счет выпуска в обращение необеспеченных товарами денег.

Политики "разделяй и властвуй" Кремль придерживался и в деревне. После завершения уравнительного раздела земли (в Украине — в 1923 г.) понятие „кулак” перестало использоваться в законодательстве и пропаганде. Теперь же оно возникло снова. Зимой 1927–1928 гг. на хлебозаготовки были мобилизованы ответственные работники компартийно-советского аппарата. ЦК ВКП(б) потребовал арестовывать „спекулянтов, кулаков и других дезорганизаторов рынка и политики цен, немедленно отдавать их под суд, не обременять судебные процессы лишними формальностями”²².

Когда новый вождь партии, как и все другие члены политбюро ЦК ВКП(б), выехал в январе 1928 г. в сельскую глубинку, то не стал терять времени. В выступлениях перед партработниками Сибири он рекомендовал "потребовать от кулаков немедленной сдачи всех излишков хлеба по государственным ценам, а в случае отказа — использовать чрезвычайные

меры и конфисковывать излишки". При изъятии "излишков" четверть конфискованного хлеба следовало распределять среди бедноты и малоимущих середняков по низким государственным ценам или в порядке долгосрочного кредита²³. Это обеспечивало государству раскол деревни и возможность заручиться содействием бедноты при хлебозаготовках.

Понятно, что уже на следующий год после таких хлебозаготовок крестьяне резко ограничили бы свои посевные площади. Об этом свидетельствовал опыт продразверстки 1918-1920 гг. Поэтому Сталин заявил сибирским работникам, что партия намерена в ближайшие 3-4 года провести частичную коллективизацию сельского хозяйства, а вслед за частичной – осуществить сплошную коллективизацию²⁴. Колхозник не решал, что надо сеять и в каких количествах, за него должен был решать председатель колхоза, целиком зависимый от районного начальства.

Слом нэпа завершился зимними хлебозаготовками 1928-1929 гг. Искусственно созданный форсированными темпами индустриализации продовольственный дефицит резко обострил проблему заготовок. Партия сползала на скользкий путь нового коммунистического штурма.

В апреле 1929 г. Сталин выступил на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) с речью, в которой уделил внимание обоснованию изобретенного им „уральско-сибирского метода” хлебозаготовок. „Нужно *организовать* хлебозаготовки. Нужно мобилизовать бедняцко-средняцкие массы против кулачества и организовать их общественную поддержку мероприятиям Советской власти по усилению хлебозаготовок”²⁵. Излагая преимущества этого метода перед руководителями партии, Сталин подчеркивал: «во-первых, мы изымаем хлебные излишки состоятельных слоев деревни, облегчая этим снабжение страны; во-вторых, мы мобилизуем на этом деле бедняцко-средняцкие массы против кулачества, просвещаем их политически и организуем из них свою мощную многомиллионную политическую армию в деревне»²⁶.

Первое из названных здесь направлений новой политики в деревне было тактическим: государство реквизирировало готовую сельскохозяйственную продукцию. Второе направление было стратегическим: на селе создавалось социальное напряжение, нужное для осуществления сплошной коллективизации. Коллективизация, в свою очередь, была необходимой, чтобы наладить постоянное производство сельскохозяйственной продукции на условиях государства.

Практическая реализация «уральско-сибирского метода» развернулась, когда вызревал урожай 1929 г. Тогда сложилась та система хлебозаготовок, которая просуществовала до конца 1932 г. Чтобы разобраться в обстоятельствах – объективных и субъективных, которые привели к голоду 1932-1933 гг. в СССР, надо ее изучить.

28 июня 1929 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление «О расширении прав местных советов по содействию выполнению общегосударственных задач и планов». 3 июля оно было продублировано ВУЦИК и СНК УССР. Этими постановлениями вводились обязательные плановые задания по сдаче хлеба с разверсткой по каждому селу на основе самообложения. Если хозяин уклонялся от поставки зерна государству по заданию сельского схода, сельсоветам разрешалось штрафовать его в пределах пятикратного размера стоимости хлеба, который подлежал сдаче. Если штрафы не вносились, имущество должников продавалось с торгов в этом же селе. Групповое сопротивление разверстке или групповое уклонение от продажи хлеба после штрафных санкций влекли за собой обвинение по ст. 57 и 58 Уголовного кодекса УССР, которые предусматривали конфискацию имущества и депортацию осужденных в отдаленные регионы СССР. Четверть поступлений от штрафных санкций или продажи имущества с торгов перечислялись в фонды кооперирования и коллективизации бедноты.²⁷

Слом нэпа сопровождался деградацией товарно-денежных отношений. Подобно Ленину, который в декабре 1920 г. подготовил серию декретов,

направленных на ликвидацию денег, Сталин стремился установить непосредственную (а не опосредованную деньгами) производственную связь между городом и деревней. Начиная свертывание новой экономической политики в декабре 1927 г., он добился включения в резолюцию XV съезда ВКП(б) положения о том, что товарооборот по мере успехов в строительстве социализма преобразуется в продуктообмен, а торговый аппарат заменяется аппаратом «социалистического распределения продуктов»²⁸. С 1929 г. сеть государственной торговли начала превращаться в распределительный аппарат, который поставлял хлеб и прочее продовольствие лишь тем, кому государство давало карточки. Базарная торговля хлебом была запрещена, так как она отрицательно влияла на хлебозаготовки. Предназначенные для сельского потребителя промтовары передавались в фонды «отоваривания» хлебозаготовок на основе контрактации.

Контрактационный договор заключался между государством и коллективами (прежде всего – торговой кооперацией) или единоличными хозяйствами. Он содержал обязательства для крестьян поставлять государству определенное количество продовольствия или сырья. Встречные обязательства государства по снабжению промтоварами выполнялись в пределах имеющихся товарных фондов. Товаров для деревни не хватало, и государство ограничивалось выплатой обесцененных рублей. Контрактационный договор превращался при этих условиях в обычную разверстку, т.е. реквизицию.

Процесс заключения контрактационных договоров уполномоченный наркомзема СССР М.Юхновский описывал таким образом: «Контрактация и метод доведения (заданий – авт.) до хозяйства в своем практическом применении в некоторых селах вылились в бюрократическую сухую форму администрирования. Крестьяне называют ее разверсткой. Контрактация осуществляется таким образом: округ дает контрольную цифру району, район с некоторым приложением (страхует себя) дает контрольную цифру сельсовету. Сельсовет цифру района с дополнением (страхует себя), которое

иногда повышается на 50%, разбрасывает по крестьянским дворам»²⁹ .
Описанную картину следует уточнить. Речь шла не о «некоторых селах», а об
обычной практике во всех регионах. К тому же, если урожай оказывался
большим, чем ожидаемый, определенное в контрактационном договоре
количество продукции соответствующим образом корректировалась.

В постановлении ЦК ВКП(б) от 26 августа 1929 г. «Об основных итогах
и очередных задачах в области контрактации зерновых посевов» победа над
рынком, которая казалась руководителям государственной партии совсем
близкой, была ознаменована терминологической революцией. Товары в нем
уже назывались продуктами. Контрактационный договор рассматривался как
«средство организации планового продуктообмена между городом и
деревней»³⁰ .

С «кулаками» государство вообще не желало вступать в договорные
отношения. Им давали твердые задания (отсюда название – твердосдатчики)
на основе экспертных оценок каждого конкретного хозяйства (отсюда
название – эксперты). Экспертизу осуществлял сельсовет вместе с
бедняцкой частью деревни, т.е. «общественность». Адресованным окружным
и районным парткомам письмом от 29 октября 1929 г. генеральный секретарь
ЦК КП(б)У С.В.Косиор разъяснял, на какую часть каждой деревни должно
распространяться внимание «общественности» – от 7 до 10% хозяйств³¹ . Это
тоже была разверстка, но не хлеба, а хозяйств. Те, кто попадал в «зажиточно-
кулацкую верхушку села», сразу ощутили на себе колоссальное давление
тандема низовых государственных чиновников и маргинализированных
прослоек деревни. При таких условиях, как и рассчитывали в Кремле,
крестьяне-собственники не могли эффективно противодействовать политике
сплошной коллективизации, которая уже ставилась на повестку дня.

На бедняцкую часть села контрактационный договор тоже не
распространялся, ибо эти хозяйства не имели для государства
экономического значения. Зато они имели большое практическое значение:

обусловленные контракционными обязательствами реквизиции осуществлялись с помощью комитетов незаможных крестьян (комнезамов).

Расплывчатость критериев, которыми очерчивалась «эксплуататорская верхушка» села, была изобретением конструкторов колхозного строя. Они могли объявить «кулаком» каждого более или менее зажиточного крестьянина. Если же против коллективизации выступали незаможники, они репрессировались как «подкулачники».

4. "Великий перелом"

Тема "великого перелома" в историографии хорошо разработана. В этом разделе следовало бы остановиться лишь на двух ее аспектах, первый из которых имеет отношение к общесоюзному голоду, а второй – к украинскому Голодомору.

Те ученые, которые устанавливают первопричину общесоюзного голода, находят ее в событиях ноября 1929 г., а именно: публикации в газете "Правда" статьи И.В.Сталина "Великий перелом" и решении пленума ЦК ВКП(б) о переходе к форсированной коллективизации сельского хозяйства. Но разрушение традиционного уклада деревенской жизни путем насильственной коллективизации можно считать причиной голода лишь до определенной степени. Первопричиной была попытка (только попытка!) перехода государства от рыночных к вне рыночным формам экономических отношений между городом и деревней. На практике это проявилось в а) подавлении свободного рынка; б) переходе к приобретению сельскохозяйственной продукции (для снабжения городского населения и армии либо на экспорт) путем ее принудительного изъятия. Выше уже было выяснено, как продрозверстка возникала: зимой 1927-1928 гг. – в форме чрезвычайных мер, а следующей зимой – путем превращения чрезвычайщины в норму.

Переход к вне рыночным отношениям был назван попыткой не случайно. Попытку не довели до упразднения товарно-денежных отношений.

Причину голода, который стал наиболее острой формой кризиса, как и причину самого кризиса, надо усматривать в стремлении государственной власти построить адекватный себе экономический фундамент путем воплощения в жизнь программы РКП(б) 1919 г. При помощи насилия, пропаганды и воспитания вождям партии удалось реализовать изначально утопическую социально-экономическую модель, которая смогла удерживаться в силовом поле диктатуры семь десятилетий. Однако они не достигли полной победы над рынком. Если начинать отсчет с момента введения чрезвычайных мер, то борьба с рынком на уничтожение проводилась в течение пяти лет и завершилась компромиссом. Крестьянство согласилось после всех мыслимых и немыслимых форм насилия над собой добросовестно трудиться в колхозах, а власть смирилась с автономным существованием колхозного строя в государстве-коммуне. Отмена продразверстки в январе 1933 г. случайностью не была. Сталин отказался от попытки реализовать коммунистическую утопию в полном объеме под влиянием голода 1932-1933 гг.

Сформулированные выше тезисы достаточно абстрактны, а потому могут скользнуть мимо сознания читателя. Но их следовало изложить до анализа фактического материала, чтобы упредить его укладку в привычные причинно-следственные цепи. Мы слишком привыкли воспринимать "строительство социализма" как реализацию последовательного ряда заданий, каждое из которых предопределялось имеющимся у партии мудрым планом и тщательно обдумывалось на съездах или пленумах ЦК. Когда В.И. Ленин задним числом превратил свой коммунистический штурм в "военный коммунизм", о программе РКП(б) 1919 г. напрочь забыли как пропагандисты, так и ученые. В годы горбачевской "перестройки" о ней вдруг вспомнил Л.Х. Попов, но воспоминание оказалось публицистическим очерком, не более того³². Надо понимать, что у руководства партии все-таки существовал план действий – отнюдь не мудрый, а утопический, и этим планом была программа РКП(б). Отделять ленинизм от сталинизма можно

лишь в том смысле, что Ленин остановился на полпути в осуществлении своей программы, а Сталин продолжил строительство коммунизма с того места, где предшественник сделал остановку. Ленин отступил под влиянием охватившего страну кризиса, внешним выражением которого стал голод 1921 г. Тяжкая засуха и предшествовавшая ей полоса войн помогли ему замаскировать угрозу, которую несла с собой реализация программы РКП(б). Сталин же, когда продолжил реализацию партийной программы, уперся в голод 1932-1933 гг.

Почему "великий перелом" следует датировать не решениями ноябрьского (1929 г.) пленума ЦК ВКП(б), а введением чрезвычайных законов при хлебозаготовках? Историки имеют уникальную возможность сопоставить два различных по характеру коммунистических штурма – ленинский и сталинский. Разделенные семью годами нэпа, они проводились в разных условиях, но имели общую подоплеку – подразверстку. Коренной недостаток конфискационного изъятия продукции у свободных производителей коренился в том, что в следующем производственном цикле выпуск продукции снижался до уровня, обеспечивавшего лишь собственные потребности. Но государство-коммуна обязано было кормить зависимое от него городское население, и поэтому оно снова прибегало к конфискации произведенного для крестьянских нужд продовольствия с помощью рабочих отрядов. Так формировался голод – и в деревне, которую грабили, и в недокормленном городе. Так возникало противостояние между городом и деревней, ибо пропагандисты убеждали горожан в том, что кулаки-саботажники стремятся "костлявой рукой голода" задушить пролетарскую революцию. Так складывалось противостояние и в каждой деревне, ибо технология подразверстки базировалась на самообложении. Установив три имущественные группы и снабдив их классовыми ярлыками, государство изымало продукцию, руководствуясь принципом: с бедноты – ничего, у середняков – умеренно, с кулаков – много. На втором-третьем году подразверстки, когда она порождала неизбежный продовольственный

кризис, советская власть уже не разделяла производителей по "классовому" принципу: брали тот хлеб, который находили в любом крестьянском подворье.

Отметим, что в УССР продразверстка проходила с особыми трудностями. Чтобы преодолеть их, Кремль решился в 1920 г. на исключительную меру: создал здесь крестьянскую организацию, наделенную одно время политико-административными полномочиями – комитеты незаможных селян. Именно эти комнезамы были использованы как орудие изъятия продовольствия у своих односельчан при Голодоморе, после чего немедленно распущены.

Социально-экономическая модель, замешанная на ненависти противопоставляемых друг другу слоев населения, была неустойчивой и даже опасной для самой власти. Поэтому руководители партии искали пути и способы завершить начатые в 1918 г. преобразования путем интегрирования свободных производителей деревни в государство-коммуны. Для этого в период первого и второго штурмов были избраны различные пути.

После прихода к власти большевики не отважились поставить вопрос о превращении крупных сельскохозяйственных имений в совхозы. Крестьянство требовало осуществить "черный передел" и получило практически всю помещичью землю. Но в 1919 г. укрепившаяся при власти партия сделала достаточно робкие поползновения к организации в только что завоеванной Украине совхозов и коммун, после чего немедленно потеряла эту республику. Наученный горьким опытом, В.И. Ленин отказался от идеи осуществить коллективизацию во всей стране и сделал, как мы видели, попытку ограничить свободу производителей хлеба установлением обязательных заданий на посев и обработку полей. Дальнейшие его действия в аграрном вопросе свелись к прагматичной капитуляции перед крестьянством. Наоборот, И.В. Сталин решил, что крестьянство должно капитулировать перед партией. Надетая на сельского производителя смиренная рубашка колхозов давала государству, как он рассчитывал,

свободу действий в определении нормы изъятия продовольствия из сельского хозяйства.

Практический переход к сплошной коллективизации состоялся в январе 1930 г. ЦК ВКП(б) 5 января принял постановление «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», которое устанавливало очередность регионов в достижении сплошной коллективизации. Украина должна была завершить коллективизацию осенью 1931 или весной 1932 г.

30 января ЦК ВКП(б) принял секретное постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». К первой категории таких хозяйств был отнесен «кулацкий актив», который подлежал немедленной ликвидации путем заключения в концлагеря или расстрела. Вторая категория предусматривала депортацию в отдаленные регионы страны. Те, кто попадал под третью категорию, расселялись за пределами колхозных земельных массивов в "кулацких" выселках.

В Украине в раскулачивании принимали активное участие комнезамы. К началу весны 1930 г. были созданы 7 762 группы содействия коллективизации³³. Совершали операцию чекисты. Она продолжалась с 18 февраля до 10 марта и охватила 29 округов УССР. Выселили 19 531 хозяйство общей численностью 92 970 чел. До 1 апреля планировалось завершить подготовительную работу по выселению 15 тыс. чел. из 11 пограничных округов («контрреволюционный и антисоветский элемент и кулачество»). На это же время планировалось выселение дополнительной тысячи семей из пяти восточных и южных округов³⁴.

Комиссия под руководством Я.А.Яковлева склонялась к тому, чтобы основной формой колхоза была признана сельскохозяйственная артель. «Каждый дальнейший шаг в сторону обобществления по пути к коммуне, – говорилось в присланном в политбюро ЦК ВКП(б) проекте постановления о переходе к сплошной коллективизации, – должен опираться на

непосредственный опыт крестьян-колхозников, на рост в них убеждения в прочности, выгоды и преимуществе коллективных форм ведения хозяйства». Вследствие этого комиссия настаивала на «сохранении в данных условиях частной собственности крестьянина на мелкий инвентарь, мелкий скот, молочные коровы и т.п., где они обслуживают потребительские нужды крестьянской семьи»³⁵.

Сталин передал проект постановления секретарю ЦК ВКП(б) В.М.Молотову. Тот назвал его неудачным, «кое-где с фальшивыми нотами». Фальшивой нотой Молотов считал обоснование причин образования артелей вместо коммун³⁶. Сталин согласился с ним, и из окончательной редакции постановления ЦК ВКП(б), которая увидела свет 5 января 1930 г., слова о праве крестьян иметь в частной собственности мелкий инвентарь и молочных коров были изъяты. Наркомзему СССР поручалось в кратчайший срок разработать Примерный устав сельскохозяйственной артели «как переходной к коммуне формы колхоза»³⁷.

Через месяц, 6 февраля Наркомзем СССР и Колхозцентр опубликовали Примерный устав. Тезис о переходности сильно повлияла на него. Принципиальная для крестьян разница между артельной и коммунальной формами колхоза в нем была напрочь стерта. Заявление о возможности образования подсобного хозяйства оказалось пустопорожней декларацией, так как устав не регламентировал размеров приусадебного участка и прав колхозника содержать коров, мелкий скот.

Качественный прыжок в коллективизации состоялся в феврале 1930 г., т.е. во время развертывания чекистской операции по раскулачиванию. По всей Украине, за исключением Полесья, в этом месяце коллективизированная земля стала большей, чем земля в распоряжении единоличников. Крестьяне шли в колхоз под административно-чекистским давлением. Давление порождало сопротивление, хотя и неорганизованное, но повсеместное. Во всех регионах они одинаково реагировали на безразмерные хлебозаготовки, раскулачивание, обобществление коров и мелкого скота, разрушение храмов.

Участились случаи вооруженного сопротивления. Ситуация в стране стала напоминать военную. С 7 февраля члены политбюро ЦК ВКП(б) начали получать оперативные сводки ОГПУ³⁸.

26 февраля в ЦК ВКП(б) пришла паническая телеграмма из Харькова. Секретарь ЦК КП(б)У П.П.Любченко и «всеукраинский староста» Г.И.Петровский сообщали о фактах «грубого извращения партийных директив» на местах, которые вызвали «крестьянское движение» против коллективизации. Терминологию телеграммы (извращения, головотяпство местных работников) Сталин использовал в своей знаменитой статье «Головокружение от успехов». В следующие несколько дней аналогичные телеграммы с сообщениями об антиколхозном движении пришли из Алматы, Воронежа и Рязани. Опросом 28 февраля в протокол заседания политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта было внесено такое решение: «а) поручить комиссии в составе тт.Сырцова, Сталина, Молотова, Калинина, Рыкова, Микояна, Ворошилова, Яковлева и Юркина окончательно решить вопрос об уставе колхозов на основе обмена мнений. Созыв за т.Рыковым. Срок работы – 24 часа с тем, чтобы устав 2 марта был опубликован в печати; б) поручить т.Сталину в тот же день выступить со статьей в газетах»³⁹.

В новой редакции Примерного устава была сделана фундаментальная уступка колхозникам: им предоставлялось право держать корову, мелкий скот и птицу, иметь приусадебный участок. В этом же номере газеты «Правда» печатала статью Сталина «Головокружение от успехов». Генсек заявлял без всяких оговорок, что «артель является основным звеном колхозного движения». В резкой форме говорилось о недопустимости усиления «колхозного движения» средствами администрирования.

Вслед за этими документами, опубликованными 2 марта, ЦК ВКП(б) принял 10 марта постановление «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении». В самом названии содержалось две больших лжи: местные органы власти не были виновны в «искривлениях»; не существовало "движения", крестьян в колхоз затягивали силой.

Постановление рассылалось секретарям парткомов до районного уровня, а также полпредам ГПУ, прокурорам, членам республиканских совнаркомов. Политбюро ЦК ВКП(б) предложило президиумам ЦИК союзных республик выслушивать жалобы по религиозным делам и "исправлять допущенные искривления и перегибы"⁴⁰.

Местные власти возмущенно реагировали на несправедливые обвинения в «искривлениях», и Сталин вынужден был допустить несвойственный ему уровень откровенности, чтобы объяснить ситуацию. В закрытом письме «О задачах колхозного движения в связи с борьбой с искривлениями партийной линии» от 2 апреля 1930 г., которое адресовалось низовым партийным организациям, говорилось: «Поступившие в феврале мес. в Центральный Комитет сведения о массовых выступлениях крестьян в ЦЧО, на Украине, в Казахстане, Сибири, Московской обл. вскрыли положение, которое нельзя назвать иначе, как угрожающим. Если бы не были тогда незамедлительно приняты меры против искривлений партлинии, мы имели бы теперь широкую волну повстанческих крестьянских выступлений, добрая половина наших "низовых" работников была бы перебита крестьянами, был бы сорван сев, было бы подорвано колхозное строительство и было бы поставлено под угрозу наше внутреннее и внешнее положение. Этим было вызвано вмешательство ЦК, изменение Устава с/х артели и опубликование по специальному постановлению ЦК статьи т. Сталина «Головокружение от успехов»⁴¹.

Насколько соответствовала действительности изображенная в закрытом письме ЦК ВКП(б) апокалипсическая картина? В заключительном выступлении на февральско-мартовском (1937 г.) пленуме ЦК ВКП(б), которым датируется начало Большого террора, Сталин упомянул события первых месяцев 1930 г. и подтвердил всю их серьезность: «Это был один из опаснейших периодов в жизни нашей партии»⁴².

Анализируя материалы ОГПУ, историки уже оценили ситуацию, которая сложилась после 26 февраля 1930 г. Зная все то, что состоялось

позже, вплоть до Голодомора, можно согласиться со сталинской оценкой событий, которые заставили Кремль прекратить на полгода политику сплошной коллективизации.

По данным, опубликованным Линн Виолой, в 1930 г. было зарегистрировано в УССР 4098 крестьянских волнений, в Центральной черноземной области – 1373, на Северном Кавказе – 1061, на Нижней Волге – 1003⁴³. Итак, в УССР произошло больше волнений, чем в трех других регионах товарного земледелия, вместе взятых. По данным Терри Мартина, на пограничном украинском Правобережье в мартовских волнениях 1930 г. приняли участие до 100 тыс. крестьян⁴⁴. По данным Людмилы Гриневиц, во время волнений активно распространялись прокламации повстанцев с призывами к восстановлению УНР⁴⁵. Отсюда следует весьма важный вывод: порядок регионов в сталинском перечне, который содержался в закрытом письме с апокалипсическим содержанием, не обнаруживал, а скрывал угрозу, шедшую от УССР – расположенной на границе с Европой наибольшей национальной республики. Сталин явно сознавал эту угрозу, которая удваивалась активным участием украинцев Северного Кавказа в компании украинизации почти половины районов края, имевшем общую границу с УССР. Тем не менее, откровенность генсека в оценке социальных последствий форсированной коллективизации не сопровождалась такой же откровенностью в оценке ее национальных последствий. Этот аспект "великого перелома" прямо связан с украинским Голодомором.

В закрытом письме ЦК ВКП(б) от 2 апреля 1930 г. содержится упоминание о санкционировании Центральным комитетом публикации статьи Сталина «Головокружение от успехов». Оно убедительно свидетельствует о степени влияния генсека в партии и обществе в начале 30-х гг. Тогда он добился контроля над компартийно-советской номенклатурой во всех властных вертикалях, которые сходились в политбюро ЦК ВКП(б). Однако его влияние на партию и тем более – на общество было ограниченным. Провал коммунистического штурма мог стоить Сталину

должности генерального секретаря ЦК. Безоговорочным диктатором в партии и в стране Сталин стал только после двух победных для него войн – с собственным народом и с гитлеровской Германией.

Взятый партией курс на форсированную коллективизацию в едва замаскированной форме насаждения коммун был назван в закрытом письме ЦК ВКП(б) искривлением партийной линии. Мы знаем, что всем колхозникам после 2 марта 1930 г. было разрешено выйти из колхозов, и практически все крестьяне-собственники этим разрешением воспользовались. Мы знаем, однако, что в директивном письме «О коллективизации», которое ЦК ВКП(б) разослало партийным комитетам 24 сентября 1930 г., была поставлена задача «добиться решающих сдвигов в деле организации нового мощного подъема колхозного движения»⁴⁶. После этого в стране была проведена повторная кампания «ликвидации кулачества как класса», причем в роли кулаков выступили уже другие крестьяне. Колхозники были освобождены от налогов, тогда как единоличники – обременены неподъемными повинностями. Новая волна раскулачивания в сочетании с налогово-льготным перепадом в кратчайшие сроки загнала в колхозы основную массу крестьянства. К октябрю 1931 г. в УССР было коллективизировано 72% крестьянской пахотной земли⁴⁷. Итак, через полгода после опубликования сталинской статьи «Головокружение от успехов» форсированная коллективизация более не считалась искривлением партийной линии.

5. Колхозный строй в период сталинской продразверстки.

Историки нередко смотрят на прошлое с позиций привычной для них реальности. Эта понятная всем особенность имеет свое научное название (презентизм) и весьма искажает образ прошлого. Примером такого искажения является представление о тождественности природы советских колхозов в годы становления колхозного строя (1930-1932) и в последующие десятилетия.

К сожалению, постсоветская историография сосредоточилась исключительно на голоде 1932-1933 гг. и обошла вниманием родственную с ним проблему сплошной коллективизации. Поэтому она не заметила первого этапа в сталинской политике коммунистического строительства, который вызвал вызревание глубокого социально-экономического кризиса. Причиной кризиса и связанного с ним голода, как уже указывалось, была продразверстка. Суть дела состояла в том, что Сталин всенародно объявил артель «основным звеном колхозного движения», приложил много усилий для организационно-хозяйственного укрепления артелей, но построил отношения между городом и селом таким образом, будто бы в деревне господствовали коммуны.

Колхоз в форме артели можно считать «двуликим Янусом». Одним своим ликом (общественным хозяйством) он был обращен к плановой, т.е. директивной, а другим (приусадебным хозяйством) – к рыночной экономике. Артельная форма колхоза неотделима от товарно-денежных отношений и рынка. Рыночный облик колхозного строя смягчал диспропорции плановой советской экономики. Он сигнализировал плановикам, где и когда следует принять меры, чтобы избежать трудностей с реализацией продукции или, наоборот, преодолеть дефицит.

Руководители партии предоставили рабочим свободный выбор места работы без всяких усилий с их стороны, вследствие простого понимания органических недостатков милитаризации трудового процесса. Слава Богу, опыт первого штурма оказался достаточно убедительным. Крестьянин же отвоевал себе приусадебный участок после жестокой борьбы. Эти два инородных для коммунистической экономики элемента сделали возможным ее продолжительное существование. Она всегда оставалась неживой, т.е. неэффективной, но давала возможность Кремлю пользоваться колоссальным мобилизационным ресурсом, которым обладала в силу самой своей природы. Длительность существования объяснялась, с одной стороны, тем, что она владела колоссальным человеческим потенциалом и неисчерпаемыми

природными ресурсами, а с другой – находилась в силовом поле, создаваемом диктатурой. Но все это касается периода почти в шесть десятилетий, который наступил после прекращения второго коммунистического штурма и связанного с ним голода 1932-1933 гг. Здесь же мы изучаем коллизии трехлетнего сталинского штурма и пытаемся понять, почему Сталин, как и Ленин в 1921 г., вынужден был отказаться от попыток полностью абсорбировать крестьянское хозяйство в директивную экономику.

Всегда следует изучать то, что осуществилось, в том числе и в истории советской коллективизации. Однако коммунистическая революция не была связана с историческим процессом, подвластным объективным закономерностям. Это означает, что историю коллективизации надо изучать с учетом первичных конструкций, родившихся в головах вождей. Исследователи советской эпохи должны обращать внимание и на то, что не осуществилось. Такой подход к анализу исторического процесса непривычен, но необходим для понимания того, что произошло в действительности.

Чтобы успокоить крестьян, Сталин заявил в статье «Головокружение от успехов», что именно артель является «основным звеном колхозного движения». Через несколько месяцев, в июне 1930 г. он повторил это же утверждение в отчетном докладе ЦК ВКП(б) XVI съезде партии, но добавил: «в данный момент»⁴⁸. Завтра, по его мнению, все могло измениться. Эту позицию генсека съезд отразил в резолюции «О колхозном движении и подъеме сельского хозяйства». В ней подчеркивалось, что на данной стадии основной формой колхоза является артель, но допускалось, что «колхозное движение может подниматься к высшей форме – к *коммуне*»⁴⁹. Предположение основывалось на том, что артель не может существовать в обществе, лишенном товарно-денежных отношений. Тогда никто из членов большевистского руководства или видных советских экономистов не мог себе представить, что связь между крестьянской артелью и рынком могла бы

стать обратной: рынок сохранится, поскольку будет существовать артель. В 1931 г. Н.А.Вознесенский опубликовал книгу, в которой предлагал разработать теорию трудовых единиц (тредов), «готовясь к тому времени, когда червонцы заменятся трудоднями». Прямой социалистический учет и контроль при помощи тредов Вознесенский считал делом сегодняшнего дня⁵⁰.

Эту общую для начала 30-х гг. убежденность вождей и ученых можно проиллюстрировать заявлением Сталина о нэпе, которое содержалось в политическом отчете ЦК ВКП(б) XVI съезду партии. В стенографическом отчете заявление было напечатано в такой редакции: «Переходя в наступление по всему фронту, мы еще не отменяем нэпа, ибо частная торговля и капиталистические элементы еще остаются, товарооборот и денежное хозяйство еще остаются»⁵¹. Историки не обратили внимания на специфическую лексику этого заявления. Но сам вождь, готовя свои «Сочинения» к печати в 1949 г., внимание обратил и отредактировал тезис таким образом: «Мы еще не отменяем нэпа, ибо частная торговля и капиталистические элементы еще остаются, «свободный» товарооборот еще остается»⁵². Внесенные изменения потребовались, чтобы замаскировать позицию Сталина в отношении товарооборота и денежного хозяйства в 1930-1931 гг. Редактируя текст, он изъял упоминание о денежном хозяйстве и снабдил слово "товарооборот" ироническим (в кавычках) прилагательным «свободный», т.е. такой, который не контролируется государством, а регулируется законом спроса и предложения.

Бывший семинарист, И.Сталин иногда употреблял заимствованные из Библии выражения. Наиболее растиражированным оказалось выражение «первая заповедь». Оно адресовался крестьянам и означало, что колхоз должен сначала рассчитаться с государством, и лишь потом распределить между своими работниками остаток произведенной продукции.

На бумаге все выглядело хорошо. В разъяснении наркома земледелия СССР Я.А.Яковлева и главы Колхозцентра Т.А.Юркина относительно

внедрения в жизнь Примерного устава сельскохозяйственной артели были определены нормы сдачи (в форме продажи по предельно низким ценам) зерновой продукции заготовительным государственным органам. В хлебопроизводящих регионах, в том числе в Украине, надо было сдавать от четверти до трети валового сбора, исходя из расчета среднего урожая, а в хлебопотребляющих регионах – не более одной восьмой части валового сбора. «Вся остальная масса валового сбора как в зерновых, так и в незерновых районах – указывалось в разъяснении, – остается в полном распоряжении колхозов»⁵³.

Разъяснение Яковлева и Юркина было одобрено политбюро ЦК ВКП(б) 12 апреля 1930 г. На следующий день оно появилось в официальном издании⁵⁴ и было растиражировано всеми газетами. Итак, крестьяне приступали к посевной кампании после всех катаклизмов января-марта 1930 г. вполне спокойно. Кто-то работал в колхозе, кто-то – в собственном хозяйстве. После авторитетного разъяснения генсека о том, что вступление в колхоз – дело добровольное, после его уверений в том, что за колхозниками остается полноценное приусадебное хозяйство, после обязательства государства ограничить «первую заповедь» вполне конкретными объемами – крестьяне работали с полной отдачей. К тому же погодные условия 1930 г. оказались чрезвычайно благоприятными для хорошего урожая.

В июне 1930 г. Укрзерноцентр сделал такой расчет хлебного баланса на основе предстоящего урожая (в млн. пудов):⁵⁵

- валовой сбор – 1355;

потребление сельского населения (из расчета 16 пудов на едока, при наличии 23,5 млн. потребителей) – 376;

посевной, фуражный и страховой фонды, вместе – 515;

резервный фонд – 35;

хлебозаготовительный план – от 425 до 430.

Хлебозаготовительный план для Украины установили в объеме 440 млн. пудов, но в сентябре увеличили до 490 млн. пудов. ЦК КП(б)У в октябре

добился уменьшения плана до 472 млн пудов, но хлебозаготовки шли с большими напряжениями. 27 января 1931 г. политбюро ЦК ВКП(б) констатировало задолженность в объеме 34 млн пудов. Сталин уменьшил задолженность до 25 млн пудов и обязал ЦК КП(б)У объявить февраль месяцем ударных заготовок, чтобы целиком выполнить план. Из крестьян все еще выбивали задолженность по прошлогоднему урожаю, когда начался весенний сев. В начале мая 1931 г. новый глава советского правительства В.М.Молотов вызвал в Москву С.В.Косиора и сообщил, что план по урожаю 1930 г. возвращается к предыдущей цифре – 490 млн пудов⁵⁶. Это была обычная для Сталина тактика «подхлестывания»: когда план казался недостижимым, его увеличивали, чтобы мобилизовать исполнителей на выполнения предыдущего, менее напряженного.

До конца мая 1931 г. государство заготовило в Украине 477 млн. пудов хлеба урожая 1930 г. С каждого гектара посевов было получено по 4,7 ц зерна – рекордный показатель товарности за все дореволюционные и пореволюционные годы⁵⁷.

В 1931 г. Укрколхозцентр определил виды на урожай в размере 845 млн пудов, т.е. на 510 млн пудов меньше, чем в предыдущем году. Тем не менее, план хлебозаготовок был установлен в объеме 510 млн. пудов⁵⁸. Логика заготовителей была примитивной: выполнили в первый раз, когда нажали, выполните и на второй раз. На XVI съезде ВКП(б) Сталин заявил, что благодаря созданию колхозного строя в стране успешно решается зерновая проблема⁵⁹.

Как сказывались отношения государства и крестьян, города и деревни в годы сталинского штурма? Во время нэпа государство хлеб покупало. Когда заготовительные цены становились для крестьян невыгодными вследствие инфляции, они прекращали вывоз хлеба на рынок, и в стране вспыхивали хлебозаготовительные кризисы. Покончить с ними Сталин планировал насаждением в деревне крупного производства – государственного (совхозы) и огосударственного (колхозы). В январе 1928 г. он заявил сибирским

парработникам: «Нужно покрыть все районы нашей страны, без исключения, колхозами (и совхозами), способными заменить, как сдатчика хлеба государству, не только кулаков, но и индивидуальных крестьян»⁶⁰ .

За 3,5 года государство коренным образом изменило социальное лицо деревни. Теперь крестьяне должны были не продавать, а сдавать хлеб, да еще и в произвольном количестве. Теперь государство могло, и доказало это, собирая хлеб урожая 1930 г., присваивать столько колхозной продукции, сколько считало нужным. Хлебозаготовки становились делом сугубо техническим: зерно прямо с колхозных полей вывозилось машинами МТС на элеваторы.

Однако конструкторы колхозного строя не учли человеческий фактор. Если государство присваивало всю продукцию, которая выращивалась в общественном хозяйстве, то колхозникам не было резона работать на полях с полной отдачей сил. Государство будто подталкивало крестьян к тому, чтобы они уделяли максимум внимания приусадебному хозяйству. Только оно могло гарантированно накормить их.

Сельскохозяйственные кампании 1931 г. проводились под влиянием изнуряющих хлебозаготовок урожая 1930 г. Как колхозники работали, хорошо видно из докладной записки секретно-политического отдела ОГПУ «О подготовке к уборке урожая хлебов», подготовленной 5 июня 1931 г. для руководителей партии. Чекисты предупреждали о возможности срыва кампании и угрозе потери значительной части урожая. «Негласной проверкой состояния уборочного инвентаря в колхозах Украины установлено, – отмечалось в разделе о готовности МТС к жатве, – что имеющиеся машины и инвентарь вследствие бесхозяйственного его хранения большей своей частью пришел в негодность или требует капитального ремонта». Приведенные во всех разделах докладной записки факты подтверждали вывод, сделанный в самом начале – о срыве уборочной кампании. Украина не составляла исключения, критическое положение наблюдалось во всех регионах⁶¹ .

Заготовки из урожая 1931 г. так же затягивались, как и в предыдущем году. 23 декабря 1931 г. политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело в присутствии Г.И.Петровского и В.П.Затонского состояние хлебозаготовок и констатировало, что на начало декабря Украина выполнила установленный план только на 74 %. Было принято решение послать в Харьков В.М.Молотова «на помощь ЦК КП(б)У для усиления хлебозаготовок»⁶².

Молотов приехал и оставался в Харькове до начала 1932 г., возглавляя акцию на «хлебном фронте». В сущности, он руководил чрезвычайной хлебозаготовительной комиссией, в состав которой входили члены и кандидаты политбюро ЦК КП(б)У, руководители республиканских ведомств. Кремль впервые и именно в Украине применил метод «непосредственного» руководства хлебозаготовками. Через 10 месяцев такие «чрезвычайки» во главе с кремлевскими фигурантами снова появились в УССР, на Северном Кавказе и в Поволжье с тяжелыми последствиями для сельского населения. Они инициировали тот самый общесоюзный голод 1932-1933 гг., который в Украине и на Кубани после дополнительных действий Кремля в ноябре 1932 – январе 1933 гг. перерос в Голодомор.

Учитывая то, что Украина стала полигоном в апробировании метода "непосредственного" руководства хлебозаготовками, следует специально остановиться на визите Молотова в Харьков в декабре 1932 – январе 1933 гг. В архивах не отложились документы за его подписью, в которых регламентировались бы изобретенные им приемы изъятия хлеба. Тем не менее, сохранились и даже опубликованы отчеты о действиях местных руководителей, которые по его инструкциям превращали январь 1932 г. в «ударный» месяц хлебозаготовок. Остановимся на телеграмме секретаря Зиновьевского (теперь – Кировоград) горкома КП(б)У Д.А.Михеенко, доставленной Молотову в Харьков 1 января 1932 г. Михеенко докладывал, что запланированные к осуществлению в «ударном» месяце мероприятия «основываются на постановлении ЦК КП(б)У от 29 декабря и директивах тов. Молотова, представленных на собрании районного актива»⁶³. В

упомянутом постановлении ЦК КП(б)У, которое принималось на заседании политбюро ЦК в присутствии Молотова, детально расписывались организация хлебозаготовительной работы и задачи по изъятию хлеба по декадам (на первую декаду) и пятидневкам (на две следующих декады). Приемы изъятия зерна в постановлении не прописывались. То, о чем шла речь в телеграмме Михеенка, очевидно, относилось к устным указаниям главы СНК СССР.

В частности, в телеграмме указывалось, что каждый сельсовет в сфере действий Зиновьевского комитета КП(б)У не позднее 1 января получит одноразовое задание по культурам и пятидневкам, исходя из заданий, установленных ЦК КП(б)У, а каждый уполномоченный горпарткома в течение трех часов после получения такого задания разверстает указанный объем зерновых между колхозами. Все уполномоченные должны были оставаться в деревне до полного выполнения годового плана. Из колхозов, которые не выполнили план, изымался посевной фонд. Уполномоченные горпарткома и секретари партячек должны были возглавить работу по мобилизации «разбазаренного, раскраденного в колхозах хлеба, учитывая, что это необходимо как для выполнения годового плана хлебозаготовок, так и для обеспечения посевоматом весеннего сева»⁶⁴.

Достаточно показательна лексика этой телеграммы, которая шла от Молотова и была присуща для продрозверстки 1930-1932 гг. Любые найденные в крестьянских усадьбах запасы зерна считались «разбазаренными» или «разворованными» по той простой причине, что хлеб на трудодни не выдавался до выполнения хлебозаготовительного плана, а план не имел шансов быть выполненным, так как был резиновым. «Разбазаренный» хлеб колхозники получали по нелегитимным решениям правлений, а «разворованный» присваивали по собственной инициативе: колхозники – в артели, единоличники – в своем собственном хозяйстве.

Такая лексика ярко отражала извращенную логику Сталина и его команды, которые считали, что все произведенное в колхозе или в хозяйстве

единоличника принадлежит государству и только государству. Когда крестьянин был намерен воспользоваться собственноручно выращенной продукцией хотя бы для того, чтобы прокормить семью, его объявляли вором.

Этот вывод кажется парадоксальным на фоне хорошо известных усилий советской власти по организационно-хозяйственному укреплению колхозов. Например, в январе 1931 г. в Москве работало Всесоюзное совещание по организации труда в колхозах, которое уделило достаточно внимания правильному нормированию сельскохозяйственных работ и разработало систему сдельных расценок каждой единицы работы в трудоднях. VI Всесоюзный съезд советов в марте 1931 г. принял постановление «О колхозном строительстве», в котором трудодень объявлялся единым мерилom количественных и качественных результатов работы в общественном хозяйстве. Съезд обязал руководителей колхозов обеспечить повсеместное внедрение сдельных расценок. Распределение продуктов, подчеркивалось в постановлении, нужно осуществлять по принципу «кто больше и лучше работает, тот больше получает, кто не работает, тот ничего не получает»⁶⁵.

На бумаге вырисовывалась стройная и эффективная система оплаты труда в колхозах. Однако все эти резолюции и постановления находились в остром разногласии с так называемыми «технологическими» постановлениями ЦК ВКП(б). Анализируя постановления по организации посевной и уборочной кампаний, по уходу за посевами, мы снова и снова замечаем одну сенсационно важную деталь: ЦК ВКП(б) не делал различий между колхозами и совхозами. Выращенная в колхозах продукция считалась такой же собственностью государства, как и продукция совхозов. Но между рабочими совхозов (хотя это были те же самые крестьяне) и колхозниками существовало одно существенное отличие: первые получали заработную плату, а вторые – нет. Из этого следовало, что в Кремле считали продукцию, которую крестьяне получали с «подаренного» им в марте 1930 г.

приусадебного участка, достаточной материальной компенсацией за работу в общественном хозяйстве колхозов. Неразличение колхозов и совхозов означало, что «колхозно-кооперативная» форма собственности явочным порядком превращалась в государственную собственность. Притом государство не выплачивало колхозникам заработную плату!

Как к этому относились колхозники? Судить об этом можно по многим письмам, адресованным «всеукраинскому старосте» Г.И.Петровскому. Например, члены артели «Незаможник» села Тишковка Гайсинского района на Уманщине в письме от 25 ноября 1931 г. рассказали, что уполномоченный из района распорядился вместо хлеба, которого уже не было, так как государство забрало, забирать и картофель, оставляя на семью для пропитания не больше 2 пудов. «Он заявил, – жаловались колхозники, – что мужику дашь 5 пуд картошки и 5 пуд хлеба, так он удовлетворится этим и никому ничего не скажет». Но крестьяне заверяли главу ВУЦИК, что оставляют за собой право искать выход, лишь бы не погибнуть голодной смертью. Они делали такой вывод: «Лучше пусть погибнет тот, кто принуждает гибнуть от голода работающего человека»⁶⁶.

В «ударном» январе 1932 г. Молотов выбивал в Украине весь имеющийся хлеб, не заботясь о завтрашнем дне. Разрушая колхозную экономику, сталинская продразверстка вызывала кризис во всем народном хозяйстве. В осторожно сформулированном постановлении ЦК КП(б)У от 28 марта 1932 г. «Об итогах работы колхозов в 1931 г. и о дальнейших задачах организационно-хозяйственного укрепления колхозов» указывалось: «В ряде районов в связи с хлебозаготовками были допущены перегибы по отношению к самым добросовестным хозяйствам, когда они фактически перекрывали последствия бесхозяйственности плохо организованных артелей»⁶⁷. Речь шла, конечно, не о «ряде районов». Когда заготовители забирали хлеб «под метлу», то реквизировалась продукция во всех районах и колхозах – хорошо или плохо работающих. Местной власти приходилось время от времени изменять план в сторону увеличения для тех колхозов, где

еще оставались какие-то запасы хлеба. Так же действовал ЦК КП(б)У по отношению к районам. По свидетельству П.П.Любченко, во время заготовок из урожая 1930 г. ЦК КП(б)У дважды менял планы по 61 району и один раз – по 91 району⁶⁸.

На хлебозаготовительных кампаниях существенным образом отразился управленческий хаос, созданный административно-территориальной реформой, а точнее – упразднением округов в сентябре 1930 г. В непосредственном управлении республиканских ведомств оказались 503 административные единицы – Молдавская АССР, 18 городов центрального подчинения и 484 сельских района. Руководить из одного центра таким количеством объектов оказалось практически невозможным, и в феврале 1932 г. были образованы области. На февральском (1933 г.) пленуме ЦК КП(б)У Г.И.Петровский рассказывал: «Об элементарных вещах, которые надо было сообщить в ЦК или в другой советский орган, неделями и целыми месяцами мы не могли узнать в районе. Наши организованные области далеко не исправно работают. В прошлом году в поездке по Донецкой области я видел, как областные организации не охватили еще район по руководству, не наладили это дело так, чтобы деревня ощутила руководящую роль партии»⁶⁹.

С конкретными результатами воплощения в жизнь директив Молотова относительно хлебозаготовок, которые упоминались в телеграмме Д.А.Михеенко, можно ознакомиться, пользуясь отчетом заместителя наркома земледелия СССР А.В.Гриневича. Тот обследовал ход сева в Зиновьевском районе. В докладной записке Я.А.Яковлеву он сообщал, что район коллективизирован на 98%. С 1 января до мая 1932 г. его покинуло 28,3 тыс. крестьян, в том числе все квалифицированные трактористы (всего в районе проживало до 100 тыс. чел.). Те, кто остался, большей частью голодали, хлеб у колхозников исчерпался уже в марте, были случаи опухания от голода. Конское поголовье за год уменьшилось наполовину, выжившие лошади были крайне измождены и непригодны к работе⁷⁰.

А.В.Гриневич не упоминал о голодных муках людей, его интересовали исключительно экономические показатели. Но из детальной докладной записки проистекало, что осуществленная зимой 1931-1932 гг. конфискация всего хлеба имела долговременные экономические последствия, крайне неблагоприятные для самого государства. Политика Кремля, которая подрывала производительные силы села, была недальновидной.

Эту недальновидность видели и колхозники, которых заставляли голодать. В те дни, когда Гриневич обследовал Зиновьевский район, колхозник Давиденко из Знаменского района размышлял в письме, адресованном Сталину: «Сказать бы – недород, засуха, когда же нет, урожай был хороший, и когда забирали, то говорили, что Советская власть не даст погибнуть колхознику... В связи с чем это хлеба нет, или может, этот хлеб отправили в засушливые районы, или, может, для рабочих нашего Союза, или делают запас для войны, или может, отвезли за границу и набрали тракторов, а теперь с тракторами голодными сидят»⁷¹. Разница между размышлениями украинского колхозника и заместителя союзного наркома заключалась только в одном: первый думал о людях, а второй – о производстве.

Мы знаем, что в первой половине 1932 г. еще не было общесоюзного голода. Голод тогда начинался только в двух регионах – Казахстане и УССР. В Казахстане опосредованно, а в УССР непосредственно он был следствием хлебозаготовок. Это дает нам возможность поставить два фундаментальных вопроса. Во-первых, почему заготовки из урожая 1931 г. стали непосредственной причиной голода только в УССР? Во-вторых, почему эти хлебозаготовки вызвали голод, хотя были меньшими, чем заготовки из урожая 1930 г.? Чтобы ответить на эти вопросы, попробуем проанализировать итоги заготовок в основных хлебопроизводящих регионах урожаев 1930 и 1931 гг. (в млн. пудов):⁷²

Регионы	1930 г.	1931 г. план	1931 г.	%	1931 г.	в

	фактически		фактически	выполнения	сравнении с
	и			плана 1931 г.	1930 г. в %
УССР	463 823	510 000	440 371	86,3	94,9
Северный Кавказ	137 880	200 000	197 308	98,7	143,1
Нижняя Волга	97 499	88 000	84 721	96,3	86,9
Средняя Волга	85 582	78 000	75 533	96,8	88,2
ЦЧО	121 274	150 000	144 507	96,4	119,2

План по урожаю 1931 г. был в Украине более напряженный, чем в других регионах. Как уже указывалось, в начале лета 1930 г. Укрзерноцентр определил виды на урожай в объеме 1355 млн пудов, а годом позднее – 845 млн. пудов. Тем не менее, план 1931 г. для УССР сталинское правительство увеличило, а не уменьшило. Тем временем в Поволжье, где погодные условия тоже оказались менее благоприятными, план заготовок был откорректирован в сторону уменьшения. Чем можно объяснить разное отношение кремлевских вельмож к УССР и Поволжью? Мотивы принятия решений в 1932 г. были, наверное, такими же, как в засуху 1921 г. То, что происходило в 1932 г., скрывалось, тогда как в 1921 г. открытым текстом говорили о снабжении хлебом из голодающей Украины «красных столиц» и Поволжья. Для утаивания мотивов в 1932 г. имелись достаточные возможности. Мы никогда не узнаем, какими критериями руководствовались те, кто утверждал контрольные цифры в региональном разрезе. Можно лишь догадываться, принимая во внимание репрессивный характер хлебозаготовок, что в Кремле считали нужным взять максимум именно с Украины и Северного Кавказа, который тоже получил чрезвычайно

напряженный план. Погодные условия Украины оказались в 1931 г. не такими благоприятными, как на Северном Кавказе. Поэтому государству не удалось выкачать из Украины столько зерна, сколько выкачали в 1930 г. Вместе с тем на Северном Кавказе было изъято в полтора раза больше хлеба, чем в предыдущем году.

УССР и Северный Кавказ были регионами наиболее товарного земледелия. К тому же они почти монопольно производили хлеб экспортных кондиций. Можно утверждать, что именно из-за этого Совнарком СССР определил совокупный объем этих двух регионов в заготовках из урожая 1931 г. в 710 млн пудов, что представляло почти половину объема общесоюзного плана (1 486 млн пудов)⁷³. Это утверждение в равной мере не имеет документальных доказательств, как и утверждение об антиукраинской направленности хлебозаготовок. Вероятно, рациональное зерно присутствует в обоих этих утверждениях.

Возмущенные тем, что государство не оставляло им хлеба, крестьяне в 1931 г. работали хуже, чем раньше. Имея дело с колхозниками, а не с крестьянами-собственниками, сталинское руководство считало, что ему удастся изъять из сельского хозяйства нужное количество зерна. Вопрос о том, чем наполнить колхозный трудодень, его мало беспокоил.

Заготовительные планы росли, урожаи уменьшались, изъятие хлеба в колхозах и совхозах становилось для государства не менее трудным, чем во время продразверстки 1918-1920 гг. у крестьян-собственников. Чтобы получить хлеб, Кремль прибегнул зимой 1931-1932 гг. в Украине к помощи чрезвычайной комиссии.

6. Голод в первой половине 1932 г.

Итак, в первой половине 1932 г. голод в Украине распространился вследствие совокупного действия двух причин: исключительной напряженности хлебозаготовительного плана и чрезвычайно жесткого

взыскания «задолженности» , а также сокращения производства зерна. Последний фактор был обусловлен падением трудовой активности крестьян из-за нежелания государства оплачивать их работу.

Когда начался голод, крестьяне в поисках пищи бросились в другие регионы. 18 июня 1932 г. в переписке с Кагановичем отдыхавший на курорте Сталин раздраженно заметил: «Несколько десятков тысяч украинских колхозников все еще разъезжают по всей европейской части СССР и разлагают нам колхозы своими жалобами и нытьем»⁷⁴. На середину июля, как отмечалось в справке секретно-политического отдела ОГПУ, из отдельных сельских районов Украины выехало в поисках продовольствия до половины населения. 21 район, по данным чекистов, покинули 116 тыс. беженцев⁷⁵. Эта ориентировочная цифра в пересчете на все количество сельских районов (484) дает почти 3 млн беженцев. Итак, не несколько десятков тысяч...

В этой же докладной записке сообщалось, что беженцы из Украины в больших количествах осели в ЦЧО, Ленинградской и Западной областях, Белоруссии, Северо-Кавказском крае и других регионах. «Они, – подчеркивали чекисты, – деморализующе действуют на колхозников разговорами: «Мы поели лошадей и собак, вам то же придется испытать. У нас был урожай неплохой, но мы раньше вас коллективизировались, и нас взяли в оборот»⁷⁶.

Украинский голод произвел весьма тяжелое впечатление на сельское население соседних регионов. В августе 1932 г., когда в партийных организациях Северо-Кавказского края проходила разверстка продиктованного из Кремля хлебозаготовительного плана по районам и станицам, пример прошлогодней разверстки в Украине стоял у всех перед глазами. Запечатленная в сводке секретно-политического отдела ОГПУ прямая речь представителей низового партийного и советского аппарата подтверждает это со всей убедительностью. Вот несколько примеров.

Корочев И.Е., член ВКП(б), председатель колхоза в Белоглинском районе: "Надо сейчас по-большевистски заявить и разоблачить неверную политику в отношении хлебозаготовок райкома партии, иначе мы будем иметь такое положение, как на Украине".

Партийцы в селе Красная Поляна того же района на заседании бюро партколлектива 10 августа заявили: "Если мы выполним план, то в колхозе не хватит всего собственного урожая. Райорганизации об этом знают, но все же доведением плана хотят создать положение, как на Украине".

11 августа на пленуме Краснополянского сельсовета красный партизан, бригадир К.Лукашев сказал: "План большой, его никто не выполнит. Обидно, что у нас хотят сделать то, что было на Украине. Колхозники уже сейчас питаются плохо, что же будет дальше". Член правления коммуны и член сельсовета М.Перевозников поддержал его: "Преподанный план никогда не выполним. Нужно прежде распределить хлеб колхозникам и коммунарам, а остальное отдать государству, иначе у нас будет то, что на Украине (речь покрыта бурными аплодисментами всего пленума).

Перешивайло, член ВКП(б), председатель колхоза им. Калинина в Брюховецком районе: "План невыполним, и очутимся в таком положении, как Украина".

В Сальском районе правление колхоза "Искра социализма", боясь говорить о размерах плана колхозникам, намеревалось вывезти три подводы хлеба на элеватор под предлогом его перемола на мельнице. Этот маневр не удался: группа колхозников, узнав действительное назначение хлеба, задержала подводы, причем некоторые колхозники кричали: "На Украине в прошлом году хлеб забрали и колхозы дошли с голода, если в этом году у нас вывезут хлеб, то с нами случится то же!"

В колхозе "Верный путь" Петровского района некоторые члены правления и быв. партизаны заявляют: "Хлеба вывозить мы не дадим, пусть сажают в ГПУ, пусть судят, но Украину у себя не допустим"⁷⁷.

20 августа 1932 г. секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) Б.П.Шеболдаев обратился к Сталину с просьбой снизить спущенный из центра план хлебозаготовок. Свою просьбу он мотивировал недовольством колхозников: "почти везде крестьяне открыто выражают опасения, что "в крае будет то же, что и на Украине"⁷⁸. Сталин просьбу проигнорировал, но она все же была высказана. А вот руководители УССР, на печальный пример которой ссылался Шеболдаев, не нашли в себе мужества противоречить высшей партийной инстанции зимой и весной 1932 г. Более того, они даже боялись сообщать Сталину о трагических последствиях деятельности Молотова в Украине. 26 апреля 1932 г. С.В.Косиор сообщал Сталину: "У нас есть отдельные случаи и даже отдельные села голодающие, однако это только результат местного головопяства, перегибов, особенно в отношении колхозов. Всякие разговоры о "голоде" на Украине нужно категорически отбросить"⁷⁹.

Голодала вся Украина. Тем не менее во время распределения продовольственной помощи, остро необходимой для спасения людей от смерти, ЦК КП(б)У выделил четыре области – Киевскую, Винницкую, Днепропетровскую и Харьковскую, а в них – 33 района. В свою очередь, в аппарате ЦК количество районов с массовой смертностью, которые нуждались в особом внимании, сократили до 11. Это были Букский, Тетиевский, Богуславский и Ракитнянский районы в Киевской обл., Уманский, Плисковский, Бабанский и Оратовский в Винницкой обл., Долинский и Новопражский в Днепропетровской обл. и Глобинский в Харьковской обл.⁸⁰

Рукотворный голод выворачивал наизнанку мировоззрение воспитанного советской школой молодого поколения. В адресованном С.В.Косиору письме (от 18 июня 1932 г.) 20-летнего студента и комсомольца Г.Ткаченко говорилось: «Вы не представляете себе, что сейчас творится на Белоцерковщине, Уманщине, Киевщине и т.п. Большие площади незасеянной земли, а урожайность посеянного не больше 25-30% относительно той, что

была в 1925-1928 гг. В колхозах, в которых было лошадей 100-150, теперь только 40-50, да и то такие, что падают. Люди ужасно голодают. Я просто не понимаю, и когда бы мне кто-нибудь авторитетный доказывал хоть где-то в 1927-1928 гг. о том, что при Советской власти могут умирать на работе с голоду, я не поверил бы и высмеял бы а то и совсем выгнал бы его, считая идиотом, контрреволюционером и как угодно»⁸¹.

Описывая положение, которое сложилось в Украине, в упомянутом выше письме к Сталину от 26 апреля, Косиор старался высказываться оптимистически, но все-таки вспомнил коммунистическим новоязом о главной угрозе для власти: «отсутствие хлеба, голод являются темой, в отношении которой кулак и его агентура развивают бешеную кампанию, пускаясь на все возможные провокации». Преуменьшив разрушительные последствия хлебозаготовок, он свел их к неожиданному, как заявил, прорыву в Киевской области, в частности, в бывш. Белоцерковском округе, и Винницкой обл., в частности, в бывш. Уманском округе, а потом осторожно заметил: «По рассказам побывавших там товарищей, в этих районах подавленное, а местами очень острое настроение»⁸².

Безусловно, в районах упомянутых Косиором двух бывших округов, где лично побывал Молотов, положение было ужасающим. Частичная потеря управления периферией после ликвидации округов сыграла в данном случае благотворную роль: разрушительные последствия реализации молотовских директив проявились далеко не всюду. Но голод распространялся на всю территорию Украины под влиянием непрерывной работы хлебозаготовителей. Вместе с голодом ширились «острые настроения».

Сообщения об антисоветских настроениях стекались в Кремль отовсюду. В письмах звучали и угрозы. Вот несколько коротких сообщений.

«У крестьян такое впечатление складывается, что страшно даже говорить: когда б только что, так сразу повернули бы винтовки против. Сообщает Вам Тарасюк Иван – ученик школы ФЗО, станция Долинская. Сейчас я работаю в ГПУ по выявлению антисоветских событий»⁸³. «Дорогой

товарищ Сталин, – писали студенты Днепропетровского химико-технологического техникума, – на это надо обратить особое внимание, так как люд в селе поднимет прямо забастовку, пойдет против Советской власти и еще немного так побудет без хлеба, голодный, то будут просто идти и разрушать колхозы, разбирать свое собственное имущество и работать индивидуально, как и раньше работали. Все это принуждают делать нищета, убожество, голод, от которого они теперь пухнут»⁸⁴. В сделанной 6 июля 1932 г. для ЦК ВКП(б) подборке неопубликованной корреспонденции, которую получала газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», ужасает апокалипсическим предчувствием Голодомора письмо без подписи из Москвы: «Голод на Украине – это результат неумелой нашей политики. Ежедневно мы кричим о наших успехах, тогда как вокзалы переполняются беженцами голодающих республик. Целыми семьями побираются по городам. И этот ужас при всем желании не скроешь. По слухам, на Украине засеяно меньше чем на 50%, а это значит, что опять придется голодать»⁸⁵.

За период от 1 января по 15 июля 1932 г. секретно-политический отдел ОГПУ зарегистрировал в Украине лишь 923 массовых выступления против власти, причем сделал вывод, что эта республика занимает первое место среди регионов СССР по антисоветским проявлениям⁸⁶. Чем объяснить, что крестьянство, в том числе украинское крестьянство, так слабо реагировало теперь на ту невероятно тяжелую ситуацию, в которую оно попало благодаря действиям власти? Масштабы антисоветской активности были несоизмеримо меньшими, чем в первом квартале 1930 г., тогда как действия власти, которая организовала массовый голод – неизмеримо более тяжелыми для крестьян. Причина лежит на поверхности: за два года Кремль изъясил из села людей, которые могли организовать борьбу с государством. Протестный потенциал села нарастал, но не находил выхода. И все же «острые настроения» становились все более опасными для власти.

В Украине "острые настроения" как проявление социального протеста нередко трансформировались в национальный протест. В 2009 г.

Федеральное архивное агентство РФ издало большую подборку о голоде в СССР в виде ксерокопий документов. Впечатляет листовка, адресованная жителям колхоза "Красный пахарь" (Горловский район), приклеенная возле сельсовета 24 июня 1932 г.: "Граждане, объединяйтесь индивидуальные с колхозниками рука об руку и сбрасывайте с себя гнет красной узурпаторщины, ибо иначе Вы погибнете. Да здравствует свободная украинская демократическая республика"⁸⁷.

В возрастающей литературе о голоде 1932-1933 гг. в СССР чаще всего отсутствует региональная составляющая: авторы сосредоточиваются на исследовании только собственного региона. Отсутствие компаративного анализа не позволяет сделать необходимые обобщения. А в литературе о Голодоморе в Украине отсутствует хронологическая составляющая: голод первой половины 1932 г. сливается с голодом второй половины этого года, а этот последний накладывается на голод первой половины 1933 г. Люди умирали в Украине от искусственного, вызванного властью голода в течение всех этих двух лет. Но исследователь должен найти грань, которая отделяет смерть от голода от убийства голодом. В первом случае голод был неожиданным для власти побочным следствием ее действий, и по мере возможности она принимала меры по спасению голодающих. Во втором случае, уже за гранью, голод специально организовывался с расчетом лишить жизни определенное количество людей. В отличие от вполне точных контрольных цифр на отстрел «врагов Советской власти», количество людей, которое подлежало убийству голодом, было неопределенным и могло регулироваться мероприятиями по спасению голодающих. К тому же, спасение голодающих становилось в этом случае убедительным доказательством непричастности власти к убийству голодом – столь отвратительному, а потому и замаскированному способу борьбы с «врагами Советской власти».

Голод первой половины 1932 г. в Украине был явно нежелательным для власти явлением. 18 марта политбюро ЦК КП(б)У передало на прокорм

колхозников Зиновьевского района 1000 пудов хлеба и Молдавской АССР – 1000 тонн кукурузы. Объемы помощи были мизерные, уверения С.В.Косиора об отсутствии у руководителей республики собственных продовольственных ресурсов не расходились с правдой. В постановлении относительно Зиновьевска была такая фраза: «Предложить обкому командировать специальных товарищей для организации этой помощи, не придавая широкой огласке»⁸⁸. Оттертые от реальной власти союзными ведомствами, украинские руководители боялись, что другие голодающие районы воспользуются прецедентом и бросятся к ним за помощью.

Союзные ведомства впервые согласились выделить помощь голодающим только 19 апреля. Тогда из их резервов на территории Украины было выделено 3 тыс. тонн проса⁸⁹. Оказалось, однако, что значительных резервов нет и в союзных ведомствах, а тратить неприкосновенный фонд на текущие нужды, пусть даже на спасение крестьян от голодной смерти, Сталин не желал. Поэтому в конце апреля и в начале мая 1932 г. наркомат внешней торговли СССР получил распоряжение возвратить из портов 15 тыс. тонн кукурузы и 2 тыс. тонн пшеницы. Снятые с экспорта кукуруза и пшеница передавались Украине. Одновременно в Китае, Персии и Канаде для потребностей Комитета заготовок было закуплено 9,5 млн. пудов зерна. Это дало возможность прекратить вывоз хлеба из Украины в Закавказье и перебросить 4 млн пудов зерна с ЦЧО на УССР⁹⁰. В конце мая по поручению политбюро ЦК ВКП(б) к оказанию помощи присоединились тресты и объединения союзных ведомств (большой частью расположенные на территории самой Украины), после чего голодающие начали получать сушеную рыбу, крупы, тюльку и другие продукты.

15 июня Сталин обратился к Кагановичу: «По моему, Украине дано больше, чем следует. Дать еще хлеб незачем и неоткуда»⁹¹. 23 июня политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение прекратить завоз хлеба в Украину⁹². Вызревал новый урожай, и Кремль начал готовиться к очередной заготовительной кампании.

7. Дебаты вокруг политики "подхлестывания".

С началом 1932 г. наступила, как говорили советские пропагандисты, «третья колхозная весна» – время, когда следовало думать о новой посевной кампании. В Украине, которая первой в европейской части СССР стала голодать, мало кто заботился о севе. Здесь продолжалась хлебозаготовительная кампания.

6 марта ЦК КП(б)У после согласования с ЦК ВКП(б) объявил о прекращении хлебозаготовок. Все усилия партийных организаций сосредоточивались на сборе посевного материала. Десятки тысяч мобилизованных в городе заготовителей возвратились на постоянное место работы⁹³. Они стали ненужными, так как уже вывезли в счет хлебозаготовок все имеющиеся фонды – посевной, продовольственный и фуражный. Теперь сами крестьяне должны были заботиться о севе, чтобы не умереть с голоду.

1932-и год был четвертым годом первой пятилетки и третьим годом коммунистического штурма. Уже отказываясь в начале 1933 г. в охваченной голодом стране от штурмовых методов, Сталин нашел для них выразительное определение – «подхлестывание». Суть «подхлестывания» в городе состояла в установлении невозможно высоких темпов индустриализации с наказанием тех, кто оказывался позади. В деревне эта политика реализовалась в виде изъятия максимально возможного количества хлеба с последующим возвращением части изъятых, чтобы обеспечить сев посевными материалами и уменьшить масштабы смертности от голода. Политика была ужасающей, в духе раннего средневековья, но генсек на январском (1933 г.) объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) характеризовал ее спокойно и даже поэтично: «партия как бы подхлестывала страну, ускоряя ее бег вперед». Необходимость «подхлестывания» он оправдывал столетней отсталостью, которая угрожала стране «смертельной опасностью» вследствие якобы неминуемой интервенции соседних государств⁹⁴. Подобную аргументацию некоторые историки используют и сегодня.

На самом деле, однако, как показала вторая пятилетка (1933-1937 гг.), именно отказ от форсирования капитального строительства в промышленности и от продразверстки в деревне благотворно отразились на экономическом положении страны. Курс на «подхлестывание» имел под собой другую почву – доктринальную. Компартийно-советское руководство в Кремле стремилось реализовать с буквальной точностью программу РКП(б) 1919 г.

Однако после двух лет штурма в среде большинства партийных руководителей, которое объединилось вокруг Сталина, начала вызревать мысль о необходимости коррекции избранного курса, в том числе в отношении крестьянства. Можно предположить, что такая коррекция произошла уже в ходе работы XVII конференции ВКП(б), которая работала с 30 января до 4 февраля 1932 г. В выступлениях на конференции заведующий агитпропом ЦК ВКП(б) А.И.Стецкий и секретарь Северо-Кавказского крайкома Б.П.Шеболдаев называли деньги и торговлю «пережитками старого общества». Однако в докладе главы Госплана СССР В.В.Куйбышева и, соответственно, в резолюции конференции высказывалось убеждение в том, что на современном этапе невозможно заменить торговлю прямым продуктообменом⁹⁵.

Вызревание мысли о необходимости сосуществования на протяжении определенного времени с рыночными отношениями можно проследить по изменению подходов сталинского правительства к образованию колхозных животноводческих ферм в 1931 и в 1932 гг. В 1931 г. в Кремле поручили украинским руководителям создать на селе специализированные животноводческие фермы. Июньский (1931 г.) пленум ЦК КП(б)У дал указание довести на совхозных фермах стадо коров до 251 тыс., а в колхозных – до 150 тыс.⁹⁶. И снова поражает неразличение совхозов и колхозов со стороны руководителей государственной партии. Молочные фермы в колхозах могли образовываться только за счет обобществления крестьянского продуктивного скота. Еще можно было надеяться на то (в

Кремле – надеялись!), что колхозники будут выращивать хлеб для государства в обмен на разрешение вести хозяйство на приусадебном участке. Но на что надеялись, забирая у крестьян последнюю корову?

Стараясь выполнить поставленную задачу до конца 1931 г., местные начальники снова, как в начале 1930 г., начали принудительно обобществлять крупный рогатый скот. Это вызвало в деревне взрывную ситуацию. В протестных акциях на переднем плане оказались колхозницы, которым нечем было кормить своих детей. Сталин понял, что снова надо отступить. 26 марта 1932 г. ЦК ВКП(б) постановлением «О принудительном обобществлении скота» осудил практику обобществления коров, уже в который раз переложив ответственность на местных работников. В постановлении возглашалось: «Задача партии состоит в том, чтобы у каждого колхозника были своя корова, мелкий скот, птица. Дальнейшее расширение и развитие колхозных ферм должно идти лишь путем выращивания фермами молодняка или покупки ими скота»⁹⁷. Документ обязывал правления колхозов оказывать содействие колхозникам в покупке и выращивании молодняка для личных нужд. Иными словами, это постановление утверждало право колхозов продавать своим членам средства производства (в данном случае – молочных коров) и соответственно – покупать у колхозников скот. Тем самым государство признавало факт отчуждения членов артели от средств производства в общественном хозяйстве. Право купли-продажи фактически означало: а) признание государством автономного положения колхозного строя в системе командной экономики; б) признание невозможности существования колхозного производства в нетоварной форме. Однако эта правовая квалификация реально существующих производственных отношений не осознавалась законодателем. Для Сталина эпизод с попыткой образования колхозных животноводческих ферм остался только конкретным фактом повседневной жизни, не больше. В январе 1933 г. он упоминал о нем в таких выражениях: «У Советской власти было в

недавнем прошлом маленькое недоразумение с колхозницами. Дело шло о корове. Но теперь дело с коровой устроено, и недоразумение отпало»⁹⁸.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 6 мая 1932 г. «О плане хлебозаготовок из урожая 1932 г. и развертывании колхозной торговли хлебом» тоже следует рассматривать как теоретически не осмысленную уступку крестьянству, сделанную под влиянием конкретных обстоятельств. Это постановление обещало «по окончании выполнения настоящего хлебозаготовительного плана и образования семенных фондов, т.е. с 15 января 1933 г., предоставить колхозам и колхозникам полную возможность беспрепятственной продажи излишков своего хлеба по своему усмотрению как на базарах и рынках, так и в своих колхозных лавках»⁹⁹. 10 мая СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли идентичное постановление по мясу: «О плане скотозаготовок и о мясной торговле колхозников и единоличных трудящихся крестьян». По названию мы видим, что участниками колхозной торговли могли быть и единоличники. Подобно этому, как большевики переименовали остатки неэкспроприированной частной собственности в «личную» собственность, свободная торговля по ценам спроса и предложения была переименована в колхозную торговлю.

Реального значения оба постановления не имели, так как являлись нормативными документами отсроченного действия. Это было обещание государства в будущем, только в январе 1933 г. отменить запрет свободной торговли. Вызрел урожай 1932 г., и государство обещало после добросовестного выполнения «первой заповеди» разрешить производителям сельскохозяйственной продукции выйти на свободный рынок.

Отказ от попыток загнать крестьян в коммуны в 1930 г. и обещание ввести свободную торговлю в 1932 г. представляли собой отступления тактического характера. Стратегической целью руководителей ВКП(б) оставалось создание нетоварной экономики. Сталин до конца жизни хранил верность той модели государства-коммуны, которая излагалась в программе РКП(б) 1919 г. В своей последней работе «Экономические проблемы

социализма в СССР» (сентябрь 1952 г.) он писал: «Чтобы поднять колхозную собственность до уровня общенародной, нужно выключить излишки колхозного производства из системы товарного обращения и включить их в систему продуктообмена между государственной промышленностью и колхозами»¹⁰⁰. А в 1932 г., сразу после выхода в свет постановлений о колхозной торговле, он начал готовить зловещий «закон о пяти колосках».

В недатированном письме (позднее 20 и раньше 24 июля 1932 г.), которое адресовалось с курорта в Кремль Кагановичу и Молотову, мы находим теоретическую интерпретацию этого закона. Она проясняет тот план интегрирования создаваемого колхозного строя в планово-директивную экономику, который действовал с зимы 1929-1930 гг. (начало нового коммунистического штурма) до зимы 1932-1933 гг. (начало украинского Голодомора и общесоюзного голода). Аргументацию Сталина следует привести со всеми подчеркиваниями его рукой (подчеркивание одной чертой передается курсивом, подчеркивание двумя чертами – жирным курсивом): «*Капитализм* не мог бы разбить феодализм, он не развился бы и не окреп, если бы не объявил принцип *частной* собственности *основой* капиталистического общества, если бы он не сделал *частную* собственность *священной собственностью*, нарушение интересов которой строжайше карается и для защиты которой он создал свое собственное государство. *Социализм* не сможет добить и похоронить капиталистические и индивидуально-рваческие привычки, навыки, традиции (служащие основой воровства), расшатывающие основы нового общества, если он не объявит *общественную* собственность (кооперативную, колхозную, государственную) священной и *неприкосновенной*»¹⁰¹.

Несколько слов следует сказать о конкретной ситуации, в которой рождались эти теоретические постулаты. Ситуация была украинской по той простой причине, что в первой половине 1932 г., как уже говорилось выше, вызванный хлебозаготовками голод имел место только в Украине. В письме Молотову и Сталину от 10 июня 1932 г. глава украинского правительства

В.Я.Чубарь предупреждал: «Чтобы обеспечить себя на зиму лучше, чем в истекшем году, начнется массовое хищение хлеба. То, что наблюдается сейчас, – вырывание посаженного картофеля, свекловичных высадок, лука и т.д. – будет воспроизведено в гораздо больших размерах в период созревания озимых хлебов, поскольку фондов питания из отпущенных ресурсов позже, чем до 1 июля, не хватит». Ему вторил глава ВУЦИК Г.И.Петровский в письме, написанном в тот самый день: «Помощь нужно оказать еще и потому, что от голода крестьяне будут снимать недозревший хлеб и его много может зря погибнуть»¹⁰². Оба письма были отправлены в Кремль после поездки украинских руководителей в сельскую «глубинку».

Сталин сделал только один вывод: урожаем 1932 г. надо спасать для государства от воров при помощи невероятно суровых мер. Он знал, что причиной «краж» был очень сильный стимул – голод. Он не сомневался в истинности того, о чем писали Чубарь и Петровский, его собственные свидетельства на эту тему будут приведены позднее. Но знакомство с реальной ситуацией в Украине принудило его сделать только один вывод: о необходимости взять на испуг голодавших крестьян невероятно жестокими наказаниями. 7 августа 1932 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». Мерой судебной репрессии за «разворовывание» колхозного и кооперативного имущества избиралась, высказываясь языком большевистской Фемиды, высшая мера социальной защиты (расстрел с конфискацией имущества). При «смягчающих обстоятельствах» расстрел заменялся лишением свободы на срок не ниже 10 лет¹⁰³.

Это постановление газета «Правда» публиковала дважды – 8 и 9 августа. Под эти публикации редакция «Правды» вместе с местным компартийно-советским аппаратом организовала в Украине грандиозный рейд по борьбе с кражами зерна, в котором с 7 по 17 августа приняли участие 100 тыс. «ударников прессы». Но напрасно корреспондент этой газеты по

Днепропетровской области призывал: надо искать, ведь есть «подземный пшеничный город»¹⁰⁴. Рейд не дал результатов.

Возвращаясь к анализу сугубо теоретических вопросов, которые легли в основу сталинского штурма, нужно обратить внимание на то, чем он отличался от ленинского штурма. Этот последний был направлен в первую очередь против капиталистической собственности. Действуя при полной поддержке широких масс населения, Ленин экспроприировал крупных собственников – помещиков и буржуазию, но потерпел неудачу, когда взялся за коллективизацию сельского хозяйства. У сталинского штурма, если взять его аграрно-крестьянский аспект, была одна цель: ликвидировать крестьянина-собственника. Сталин не стоял за ценой в попытках отделить барьером многомиллионное крестьянство от рынка. Речь шла не об «экспроприации экспроприаторов», к которой призывали на начальном этапе своей деятельности К.Маркс и Ф.Энгельс, а об изменении силовыми средствами социальной природы крестьянства. Чтобы оно избавилось от "индивидуально-рваческих привычек, навыков и традиций", нужны были сильные средства наподобие «закона о пяти колосках».

Чем был коммунизм для Сталина и его команды? Аргументируя необходимость принятия «закона о пяти колосках», генсек беспокоился о защите общественной собственности, объединяя в этом понятии кооперативную, колхозную и государственную собственность. Он был прав, когда ставил знак равенства между государственной и колхозно-кооперативной формами собственности. Реальным собственником всех средств производства было не общество, а небольшая группа людей на вершине власти, которая выступала от имени государства и общества. Преодолеть сопротивление общества и сосредоточить в своих руках все материальные и человеческие ресурсы страны – такова была конечная цель бюрократической «революции сверху».

Однако не все партийные руководители слепо надеялись на то, что можно силой переломить природу крестьянина. С беспокойством наблюдая

за тем, как страна сползает в трясины кризиса, они готовы были придержать хотя бы на время, попытки ликвидации товарно-денежных отношений и рынка. В этом случае логично было бы отказаться от продразверстки и предоставить крестьянству, уже ставшему колхозным, какую-то свободу действий на рынке после выполнения обязательств перед государством. Иными словами, они хотели повторить в другой форме тот поворот в экономической политике, который проделал Ленин в 1921 г.

Первым выступил с таким предложением глава Центральной контрольной комиссии ВКП(б) и нарком Рабоче-крестьянской инспекции Я.Э.Рудзутак. В адресованной Центральному комитету в январе 1932 г. записке он настаивал на том, чтобы колхозы знали свои обязательства перед государством уже в начале хозяйственного года. Крестьяне имели бы все основания бороться за хороший урожай, если бы были уверены в том, что произведенная сверх плана продукция останется у них¹⁰⁵.

Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело записку Я.Э.Рудзутака 11 января. По предложению А.И.Микояна, который в любых вопросах шел за Сталиным, было принято постановление, которым ЦК национальных республик, крайкомы и обкомы ВКП(б) обязывались "по выполнении установленного для области (края, республики) годового плана хлебозаготовок продолжать заготовки сверх плана"¹⁰⁶.

Такое же по смыслу предложение, которые содержалось в записке Рудзутака, выдвинул в шифровке Сталину 15 марта 1932 г. С.В.Косиор. Украинский генсек начал с утверждения о том, что хлеб, которого домогалось государство, в деревне есть: "В колхозных амбарах хлеба нет, все распределено легально и нелегально колхозникам. Под влиянием нажима на хлебозаготовки и допущенных местами перегибов, а также под влиянием кулацкой агитации, что будто бы заберется весь хлеб, колхозник и индивидуальник весь хлеб припрятали". В этой тираде все извращено, но не следует забывать, что она адресовалась Сталину. Далее Косиор писал: "Необходимо объявить от имени союзных организаций о порядке

хлебозаготовок из будущего урожая, исходя из того, что чем большего урожая добьется колхоз и колхозник, тем больший фонд должен быть выделен и распределен на личное потребление". Чтобы реализовать такое предложение, существовал только один путь: определить хлебозаготовительный план как неизменную, заранее известную величину налогового характера, т.е. не менять правила игры во время самой игры. Обосновывая свое предложение, Косиор добавил: "необходимо предотвратить на будущее время ту вреднейшую уравниловку, которая допущена в этом году в практике хлебозаготовок, когда исправный, хорошо работавший колхоз получал несколько добавок к первоначальному плану, когда в хороших добросовестных колхозах значительная часть хлеба, предназначавшаяся на личное потребление, была изъята по хлебозаготовкам, а те, кто работал плохо, кто утаивал, отделался выполнением только 50-60% плана, и фонды личного потребления в таких колхозах сплошь да рядом были выше добросовестных колхозов"¹⁰⁷.

Что интересно: это предложение С.В.Косиора было одобрено при рассмотрении его записки на следующий день после ее поступления. Вместе с тем политбюро ЦК приняло решение такого характера: "Считать нецелесообразным издание постановления центральных органов СССР о государственной доле в будущем урожае, так как такое объявление, говорящее о том, что от 1/3-1/4 урожая будет отдано государству, – уже сделано раньше"¹⁰⁸.

Решение политбюро ЦК было логичным. Как уже говорилось, постановление о государственной доле урожая обрело силу закона еще в апреле 1930 г. Другое дело, что принятый тогда закон ограничивал государственную долю урожая довольно-таки неопределенно – от четверти до трети валового сбора. К тому же государство не считало эту долю налогом, в равной мере обязательным для производителя и самого себя. Налог во все времена представлял собой фиксированное отчисление от продукции или имущества, которые находились в частной собственности

плательщика. Сталин же считал, что колхозная собственность отделена от колхозников и является формой общественной собственности, которой государство может распоряжаться от имени общества по своему усмотрению.

В Кремле знали, что разверстка разрушительно действует на производство, но надеялись с помощью насилия преодолеть «индивидуально-рваческие привычки, навыки и традиции» крестьянства. Сталин считал, что такой характер экономических отношений с крестьянством имеет свои недостатки, но списывал их на неквалифицированную, по принципу уравниловки, разверстку хлебаготовительного плана по районам и колхозах. «В результате этого *механически-уравниловского* отношения к делу, – писал он Л.М.Кагановичу в Кремль 18 июня 1932 г., – получилась вопиющая несообразность, в силу которой на Украине, несмотря на неплохой урожай, ряд *урожайных* районов оказался в состоянии *разорения и голода*»¹⁰⁹ (всюду курсив Сталина). Таким образом, корень зла генсек видел не в самой разверстке, а в методах ее применения. Ему казалось, что эти методы можно усовершенствовать, после чего продолжить в сельском хозяйстве силовую политику "подхлестывания".

Подведем итоги. При планировании сельскохозяйственных кампаний, начиная с посевной, в 1932 г. можно было бы отказаться от безразмерной продразверстки в сельском хозяйстве. В этом случае удалось бы упредить тяжелый экономический кризис. Однако Сталин сделал уступку реальности лишь в том смысле, что снял с повестки дня задачу немедленной ликвидации товарно-денежных отношений и рынка. В своей практической политике он, как и прежде, делал ставку на насилие, после чего экономический кризис, в том числе и голод, стали неизбежными.

8. Вторая хлебозаготовительная комиссия В.М.Молотова

В 1930 и даже в 1931 гг. государству удавалось с помощью разверстки получать из села нужное количество хлеба. Сталин рассчитывал таким же методом реквизировать урожай 1932 г. Существовали ли объективные основания для таких расчетов?

В основных зернопроизводящих регионах СССР все три года (1930-1932) оказались урожайными. Но с каждым годом колхозы и единоличники относились к сельскохозяйственным кампаниям все более незаинтересованно, так как знали, что государство будет бороться с «уровниловкой» в разверстке простым способом: накладывать на тех, кто уже выполнил план, дополнительные обязательства.

Хлебозаготовительный план развертывался по регионам, районам и деревням, исходя из урожайности на корню. Но уже в 1931 г. потери урожая в Украине были колоссальными. С.В.Косиор оценивал их в масштабе от 120 до 150 млн. пудов, А.Г.Шлихтер – в 150 млн., Н.А.Скрыпник – до 200 млн. пудов¹¹⁰. Не претендуя на точность, эти цифры давали представление о масштабах потерь – до половины годового продовольственного фонда сельского населения. Но потери урожая 1932 г. были намного большими. Какими именно – не знает никто, украинские руководители не отважились оценивать их. Иллюстрировать потери могут только отдельные примеры.

Вот что писала газета «Вісті ВУЦВК» 27 июля 1932 г.: «В Николаевском зерносовхозе им. Косиора поля, где прошли комбайны, густо покрыты зерном. Обмолот никчемный, 50% урожая идет в полосу. Треугольник совхоза, зная обо всех этих фактах, никаких мер не предпринимает, чтобы предотвратить огромные потери». Корреспондент газеты «Правда» 19 августа 1932 г. сообщал из Одесской области: «Урожай выше среднего и больший, чем в прошлом году. Особенно уродила озимая пшеница. Тем не менее косовица еще не закончена. 10% пшеницы стоит на корню и зерно осыпается. Заскырдовано и обмолочено вместе едва 25% от

скошенного. Три четверти урожая лежит под открытым небом». В письме из колхоза «Новая жизнь» Артемовского района, который газета «Вісті ВУЦВК» напечатала 4 января 1933 г., так описывалось положение хозяйства, где за год сменилось семь глав правления: «Во время уборочной кампании и обмолота воцарились полнейший кавардак и беспорядок. Бригады распались, в поле выходил кто хотел, работа организована не была. Планов не имели. Работали с прохладцей, хлеб осыпался, пропашных не собирали совсем. Днем и ночью с поля возили на глазах у всех, растягивали колхозный хлеб. Учета не было. Какой был урожай, по сей день неизвестно».

Последняя из приведенных здесь корреспонденций была напечатана, вероятно, с единственной целью: доказать вину самих колхозников в голоде, который охватил Украину. И если результаты второго года продразверстки ощутили на себе только крестьяне (особенно тяжело – украинские крестьяне), то ее третий год стал катастрофическим для всей страны. Сталин напрасно надеялся на то, что «закон о пяти колосках» спасет урожай 1932 г. Поставленные перед перспективой голодной смерти, крестьяне не обращали внимание на кары, которыми угрожало государство. Они стремились получить и спрятать на черный день выращенную собственными руками продукцию с колхозных полей. Но наибольших потерь урожай 1932 г. испытал не через это «разворовывание», а вследствие естественного нежелания крестьян работать без всякого материального вознаграждения. Такое нежелание власть интерпретировала как саботаж.

Тем временем сталинское правительство очень надеялось на урожай, чтобы улучшить в условиях Великой депрессии катастрофическую динамику советского платежного баланса. В 1930 г. ему удалось вывезти 298 млн. пудов зерновых, а в 1931 г. экспорт достиг максимальной величины за весь пореволюционный период – 316 млн. пудов. Но коммерческие результаты экспорта были неудовлетворительные. Кризис 1929-1933 гг. понизил цены на оборудование намного меньше, чем на сельскохозяйственную продукцию. Чтобы получить выручку для оплаты импорта, приходилось продавать в 2-3

раза больше сырья. Экспорт зерновых, однако, сократился – до 107,9 млн пудов в 1932 г.¹¹¹ Советский Союз не признавал дореволюционных долгов и мог рассчитывать только на краткосрочный вексельный кредит. Сокращение экспорта угрожало невыплатой по кредиту, с перспективами отказа иностранных банков кредитовать импорт, конфискации по судебным искам экспортного груза в портах и всей советской собственности за границей. Отчаянное состояние платежного баланса стало одним из проявлений надвигающейся экономической катастрофы.

Совнарком СССР был способный «вытрясти» из колхозов весь хлеб, чтобы обеспечить экспортные нужды, и убедительно доказывал эту способность в 1930-1931 гг. Резкое уменьшение хлебного экспорта в 1932 г. объяснялось не желанием оставить хлеб в стране, а отсутствием его. Кризис заставило правительство сократить расходы на «священных коров» бюджета – промышленность и армию. 14 июня 1932 г. Каганович писал Сталину, что в Москве усиленно работают над определением источников для увеличения валютной выручки и уменьшения дефицита¹¹². Речь шла, между прочим, о продаже бесценных произведений мирового искусства и уникальных предметов антиквариата.

Дефицит хлеба заставил государство уменьшить нормы централизованного снабжения в городах и на новостройках. В IV кв. 1932 г. на централизованном снабжении в Украине находилось 7 160 тыс. человек. Чтобы обеспечить соответствие между расходом хлеба и наличными ресурсами, политбюро ЦК КП(б)У 29 ноября признало необходимым уменьшить норму хлеба служащим и иждивенцам рабочих и служащих по особому и первому спискам с 400 г на день до 300 г; совсем снять со снабжения кустарей; уменьшить фонд общественного питания на 15%; прибавить к муке ячмень и кукурузу и т.д.¹¹³. Это привело к резкому ухудшению настроений среди городского населения, которое фиксировалось органами государственной безопасности. На партсобрании железнодорожной станции Мелитополя машинисты Кузнецов и Николаенко заявили: «Мы в

корне не согласны с политикой партии в вопросе об отношении к крестьянству. У крестьян забирают хлеб и скот, они голодают, и им нечем нас кормить»¹¹⁴.

Естественное нежелание крестьян работать в общественном хозяйстве колхозов без материального вознаграждения Сталин квалифицировал как саботаж. Он считал этот «саботаж» тем более опасным, что ряд деятелей российского Совнаркома (А.П.Смирнов, В.Н.Толмачев, Н.Б.Эйсмонт) под влиянием возрастающего кризиса начали рассматривать генеральную линию ЦК ВКП(б) в ее сталинском исполнении как угрожающую для партии и страны.

27 ноября 1932 г. Сталин созвал объединенное заседание политбюро ЦК и президиума ЦКК ВКП(б), на котором поставил вопрос о группе А.П.Смирнова. Не признавая собственной ответственности за провал хлебозаготовок, он назвал две причины неудач: 1) проникновение в колхозы и совхозы антисоветских элементов с целью организации вредительства и саботажа; 2) неправильный подход значительной части сельских коммунистов к колхозам и совхозам. Неправильный подход заключался, по его мнению, в идеализации этих форм хозяйствования – социалистических по своей природе. Проблема заключалась в «большевизации» колхозов и совхозов. «Было бы глупо, – заявил генсек, – если бы коммунисты, исходя из того, что колхозы являются социалистической формой хозяйства, не ответили на удар этих отдельных колхозников и колхозов сокрушительным ударом»¹¹⁵.

Сталинский «сокрушительный удар» уже осуществлялся, когда высший партийный синклит из членов политбюро ЦК и президиума ЦКК ВКП(б) услышал это выражение от генсека. Репрессирование «саботажников» проводилось чрезвычайными хлебозаготовительными комиссиями. Две первые были образованы решением политбюро ЦК ВКП(б) от 22 октября 1932 г.: комиссия во главе с В.М.Молотовым (в составе главы правления Госбанка СССР М.И.Калмановича, начальника всесоюзного объединения

«Заготзерно» С.А.Саркисова и др.) – для работы в УССР, и комиссия под председательством Л.М.Кагановича – для работы в Северо-Кавказском крае Российской Федерации. Третья комиссия во главе с секретарем ЦК ВКП(б) П.П.Постышевым была образована немного спустя в Поволжье.

В 2007 г. Российский государственный архив социально-политической истории и Гуверовский институт войны, революции и мира опубликовали откорректированную стенограмму (разосланную партийному активу) вместе с некорректированной, которая отражала то, что реально говорилось на объединенном заседании политбюро ЦК и президиума ЦКК ВКП(б) 27 ноября. Сравнение обоих вариантов дает представление о том, что Сталин желал сказать партии и что он предпочитал не говорить. В варианте документа, разосланного парткомам, Сталин объявлял только намерение власти нанести «сокрушительный удар» по «отдельным колхозникам и колхозам». Направление удара было размытым по всем параметрам. В реально провозглашенной речи Сталин был более откровенен. Он назвал регионы, в которых действовали чрезвычайные хлебозаготовительные комиссии, а также конкретных врагов – белогвардейцев и петлюровцев¹¹⁶.

Чрезвычайные комиссии представляли собой орган диктаторской власти Кремля, создаваемый в конкретном регионе на определенное время. В «выбивании» хлеба они пользовались местными аппаратами – партийным, советским и чекистским. Обязательные к выполнению документы обнародовались от лица местных органов власти. Борьбе с «саботажем» хлебозаготовок придавалась широкая огласка с помощью средств массовой информации – радио, газет, киножурналов. Особой популярностью пользовались сюжеты о раскрытии «черных амбаров» в колхозах, т.е. скрытых от государственного учета запасов хлеба, а также о раскрытии ям со скрытым хлебом на крестьянских дворах. Так власть вбивала клин между производителями хлеба в деревне и уже голодавшими потребителями хлеба в городе.

По указанию Молотова в протоколе заседания политбюро ЦК КП(б)У от 1-5 ноября 1932 г. появилась директива относительно усиления помощи хлебозаготовкам со стороны органов юстиции. Судебные органы обязывались вне очереди рассматривать дела по хлебозаготовкам, как правило, на выездных сессиях на местах с применением суровых репрессий. Административным органам предписывалось немедленно внедрять в жизнь меры принуждения в отношении должников. Центральная и местная печать должны были широко освещать судебные дела¹¹⁷.

Это решение понадобилось Молотову, чтобы создать условия для использования «драконовского» (по выражению Сталина) постановления ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. 5 ноября Молотов и новый секретарь ЦК КП(б)У М.М.Хатаевич прислали секретарям обкомов КП(б)У телеграмму такого содержания: «В сообщениях областных органов ОГПУ имеется много сведений о расхищении, преступном разбазаривании и сокрытии колхозного хлеба при участии и под руководством правлений колхозов, и в том числе некоторых правленцев-коммунистов, являющихся на самом кулацкой агентурой, разлагающей колхозы. Несмотря на это, ЦК КП(б)У неизвестно, что предпринимается обкомами для борьбы с этими явлениями. Отмечая недопустимое бездействие судов и прокуратуры и пассивность печати в отношении соответствующих конкретных фактов, ЦК КП(б)У категорически требует от обкомов немедленных и решительных мер борьбы с этими явлениями с обязательным и быстрым проведением судебных репрессий и беспощадной расправы с преступными элементами в правлениях колхозов на основе известного декрета об охране общественной собственности, с освещением этих фактов в печати, вынесением осуждающих эти факты решений колхозных собраний»¹¹⁸.

21 ноября В.М.Молотов, В.Я.Чубарь, В.А.Строганов и М.И.Калманович обратились к Сталину с просьбой на период хлебозаготовок предоставить ЦК КП(б)У в лице спецкомиссии (генеральный секретарь ЦК, глава ГПУ УССР и представитель Центральной контрольной комиссии) право окончательного

решения вопросов о применении смертной казни. Спецкомиссия ЦК КП(б)У должна была один раз в декаду отчитываться перед ЦК ВКП(б) о своих вердиктах в таких делах¹¹⁹.

Важным элементом деятельности молотовской комиссии стал давно уже испытанный путь экспроприации хозяйств. Единоличники, которые не выполняли обязательств по хлебозаготовкам, лишались движимого имущества, посевов, приусадебных участков, зданий. Почти сразу это репрессивное мероприятие было распространено на колхозников, а потом усовершенствовано: все раскулаченные депортировались в отдаленные местности СССР на поселение или в концлагеря.

Уполномоченные ЦК КП(б)У по хлебозаготовкам писали отчеты о своей работе. Глава ЦКК КП(б)У и нарком РКИ УССР В.П.Затонский в отчете сообщал: «Мне рассказывали из практики Одесской области, в частности, Новой Украинки и Знаменки (то же передавал товарищ, приехавший ко мне из Никополя), что выселением на север не так уже огорчались. Никто не дезертировал, многие шли с гармошкой, а были даже случаи «добровольчества», когда соседи обращались с просьбой включить их в партию переселенцев»¹²⁰. Затонский писал об этом с удивлением, не понимая такого поведения крестьян. А объяснение простое: крестьяне отдавали предпочтение депортации перед голодной смертью. В декабре 1932 г. секретарь Краснопольского райкома партии (Харьковская обл.) докладывал в ЦК КП(б)У: «Нарсуд почти ежедневно разбирает хлебные дела на местах. После суда в с. Краснополье середняк Бессараб Алексей Васильевич сказал: «Пусть судят и везут отсюда, так хоть с голоду не умрешь, а дома если останемся, все равно умрем»¹²¹.

Хлебозаготовки из урожая 1932 г. продолжались в Украине до начала февраля 1933 г. Рассмотрим их результаты по крестьянскому сектору в областном разрезе (в тыс. тонн):¹²²

	<u>План</u>	<u>Фактически</u>	<u>%</u>
Северная группа областей			

Винницкая	430,8	437,0	101,4
Киевская	224,4	225,8	100,6
Черниговская	144,1	128,6	89,2
Харьковская	728,9	636,6	87,3
Южная группа областей			
Днепропетровская	1138,4	844,4	74,2
Одесская	1141,7	891,0	78,0
Донецкая	411,2	350,6	85,3
Молдавская АССР	55,7	55,2	99,2
УССР в целом	4 275,3	3 569,2	83,5

Общий объем заготовок из урожая 1932 г. составил в УССР 4 171,7 тыс. тонн (колхозы – 74,3%, единоличники – 11,3%, вместе крестьянский сектор – 85,6%, совхозы – 14,4%). Объем заготовок из урожая 1931 г. равнялся 7 047,1 тыс. тонн.

Не имея надежных данных о потерях, невозможно определить удельный вес заготовок в собранном урожае. Понятно, однако, что с помощью чрезвычайной комиссии зимой 1932-1933 гг. было изъято практически все имевшееся зерно. Тем не менее, заготовки оказались почти наполовину меньшими, чем в прошлом году. Катастрофический провал заготовок в УССР и других зернопроизводящих регионах заставил, в конце

концов, Сталина серьезно задуматься над вопросом о целесообразности разверстки.

Данные о количестве заготовленного хлеба из урожая 1932 г. в областном разрезе до и после появления чрезвычайной комиссии несопоставимы между собой: в октябре 1932 г. из районов соседних областей была образована седьмая в республике область – Черниговская. Поэтому сопоставим данные по двум указанным выше группам областей – северной и южной. Итак, хронология хлебозаготовок в крестьянском секторе выглядела таким образом (в млн. пудов):¹²³

	Северная группа областей	Южная группа областей	УССР в целом
Окончательный (сокращенный) план хлебозаготовок	95,5	171,7	267,2
Заготовлено на 1 ноября 1932 г.	51,7	84,4	136,1
Заготовлено на 1 февраля 1933 г.	86,8	136,3	223,1
Прирост заготовок за три месяца	35,1	51,9	87,0
Выполнение окончательного плана хлебозаготовок (в %)			
На 1 ноября 1932 г.	54,1	49,2	50,9

На 1 февраля 1933 г.	90,9	79,4	83,5
----------------------	------	------	------

Таблица показывает, что уменьшенный план УССР выполнила до приезда Молотова только наполовину. За три следующих месяца из украинской деревни удалось выжать только 87 млн. пудов зерна, а с учетом совхозов – 105 млн. Первичный план по крестьянскому сектору составлял 356 млн пудов. Трижды уменьшенный план был выполнен на 83,5%.

Рассмотрим, наконец, ход зимних заготовок по секторам (в млн. пудов):¹²⁴

	На 1.XI.1932 г.	На 1.II.1933 г.	Прирост заготовок	
			млн. пудов	в % до 1.XI.1932
колхозы	120	194	73	60,8
единоличники	16	29	14	87,6
всего крестьянский сектор	136	223	87	63,9
совхозы	20	38	18	88,2
динамика заготовок в УССР из урожая 1932 г.	156	261	105	67,0
Динамика заготовок в УССР из урожая 1931 г. (соответственно на 1.XI.31 г. и на 1.II.1932 г.)	334	440	106	31,7

Приведенные данные свидетельствуют, что заготовители особенно свирепствовали среди единоличников, заставив их за три месяца почти удвоить количество сданного зерна. Они ободрали как липку и совхозы, которые резко сократили свои штаты и оставили безработных без хлеба. В целому за зиму в республике было изъято 105 млн пудов. За следующие три месяца (февраль – апрель 1933 г.) возвратилось в виде продовольственной,

семенной и фуражной ссуд 34 млн. пудов, чтобы обеспечить новую посевную кампанию. Итак, чистое изъятие равнялось 71 млн. пудов. Если разложить этот хлеб на 25 млн. человек сельского населения, которое проживало в республике в начале 1933 г., то на каждого придется немного меньше трех пудов.

Хлебозаготовки из урожая 1931 г. послужили непосредственной причиной голода в первой половине 1932 г. Тогда количество хлеба, выкачанного в зимние месяцы, составляло меньше трети от объема, заготовленного летом и осенью. В зимние месяцы 1932-1933 гг. было заготовлено почти такое же количество хлеба, что и предыдущей зимой 1931-1932 гг. Но теперь это количество составляло две трети от объема, заготовленного в нормальное время. То, что удалось выжать из украинской деревни такое же количество «зимнего» зерна, что и в предыдущую зиму, можно объяснить лишь одним: заготовители очень постарались...

Осенью 1932 г. в украинском селе после небольших по объему заготовок (они на 178 млн. пудов, или более, чем вдвое, уступали заготовкам предыдущего года) уже не было хлеба. Если бы каждый крестьянин имел по 16 пудов хлеба до нового урожая (вспомним провокационные сообщения газет о подземных «пшеничных городах»!), то конфискация трех пудов осталась бы практически незамеченной¹. Если бы крестьянин имел в своем распоряжении вдвое меньший запас хлеба (нужно принять во внимание постоянную деградацию сельского хозяйства под влиянием продразверстки), т.е. восемь пудов на душу, то конфискация трех пудов даже не привела бы к голоданию. Ведь в крестьянском дворе были запасы длительного хранения в виде мяса (живым весом), сала, картофеля, лука и всего того, что выращивалось на приусадебном участке. Как же нам понять таблицы, которые показывают хлебозаготовки во всех разрезах? Что на самом деле случилось в украинском селе? В чем заключался «сокрушительный удар», на

---

¹ В балансовых расчетах Укрзерноцентра за 1930 г. потребление сельского населения принималось равным, как мы уже видели, 16 пудам на едока в год. Дореволюционный словарь считал достаточным для "продовольствия души" 14 пудов в год (что составляло 600 г в день). СМ.: Брокгауз и Эфрон. – Т.IX. – С.103-104.

который Сталин намекал 27 ноября 1932 г. на совместном заседании политбюро ЦК и президиума ЦКК ВКП(б)?

До сих пор шла речь о социально-экономических последствиях двух коммунистических штурмов. У руководителей партии, которая строила государство-коммуну, были успехи и неудачи. Наибольшей из неудач была продразверстка, которая углубляла (в 1921 г.) или вызывала (в 1932 г.) голод. Голод 1932-1933 гг. имел неодинаковую степень глубины в разных регионах, но эта разница была количественной, а не качественной. Теперь пришло время разобраться в том, что отделяет общесоюзный голод от украинского Голодомора. Смерть – всегда смерть. Но следует отделить смерть из-за отсутствия пищи, которое (отсутствие) было следствием действий власти, не направленных непосредственно на убийство, от убийства голодом.

Здесь следует сделать небольшое отступление к теме трудностей осознания реальной сути Голодомора. С одной стороны, существует эмоциональная интерпретация событий, которая отторгается серьезными учеными. Неизмеримо большее количество жертв Голодомора, а этим он отличался от общесоюзного голода, не добавляет убедительности эмоциональным аргументам. Тем более, что реальное число жертв преувеличивается. С другой стороны, существует отрицание отличия Голодомора от общесоюзного голода. Эта точка зрения остается наиболее распространенной в мировой историографии вследствие двух причин. Во-первых, общесоюзный голод был фоном и первой стадией Голодомора. Разобраться в этих переходах не так легко. Во-вторых, чекистская карательная акция, которая имела своим следствием Голодомор, была тщательно замаскирована и осуществлялась под прикрытием хлебозаготовок, хотя не имела с ними ничего общего.

Суть отступления состоит в просьбе к читателям внимательно присмотреться к документальным обломкам чекистской акции, которые должны были сохраниться и действительно сохранились. Все они

существуют в научном обороте, следует лишь сложить их вместе. Во всяком случае, не следует их замалчивать, как это постоянно делается.

Первое, что надо сделать, характеризуя сталинский «сокрушительный удар», это – назвать поименно организаторов убийства голодом миллионов украинских крестьян. Их можно посчитать по пальцам одной руки. Все другие должностные лица использовались "втемную", т.е. слепо выполняли инструкции и не знали адского замысла кремлевских небожителей.

В.М.Молотов появился в Украине 29 октября и находился в Харькове до 6 ноября. Потом он выехал в Москву, чтобы принять участие в торжествах по случаю 15-летия Октябрьской революции, возвратился в Харьков 17 ноября и находился в Украине до 23 ноября.

Именно в тот день, когда Сталин объявлял о намерении нанести «сокрушительный удар» по саботажникам в колхозах, он сделал два ответственных кадровых назначения в системе ОГПУ. Полномочный представитель ОГПУ по Средней Азии Е.Г.Евдокимов становился полпредом по Северо-Кавказскому краю, а заместитель председателя ОГПУ В.А.Балицкий – особоуполномоченным ОГПУ по УССР. Оба уже работали раньше в регионах назначения: Евдокимов – в 1924-1929 гг., а Балицкий – в 1919-1931 гг. 1 декабря Балицкого кооптировали в члены политбюро ЦК КП(б)У.¹²⁵

Л.М.Каганович появился в Ростове-на-Дону 1 ноября и продолжительное время находился в Северо-Кавказском крае. Вместе с Евдокимовым они занялись хлебозаготовками в Кубанском округе.

10 декабря на политбюро ЦК ВКП(б) были вызваны руководители КП(б)У, Северо-Кавказского крайкома и Западного обкома ВКП(б). Сталин в резкой форме подверг их критике за либерализм и мягкотелость в борьбе с саботажниками. Особенно досталось С.В.Косиору и Н.А.Скрыпнику (последнему – «за связь с националистическими элементами»). Через пять дней появилось постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР, посвященное хлебозаготовкам в Украине. Этим постановлением Кагановичу и Постышеву

поручалось «немедленно выехать на Украину на помощь ЦК КП(б)У і Совнаркому Украины, засесть в решающих областях Украины в качестве особоуполномоченных ЦК ВКП(б) и Совнаркома Союза ССР, разделив труд с Косиором, Чубарем и Хатаевичем»¹²⁶.

Таким образом, для осуществления задуманной акции в двух украинских регионах Сталин подобрал команду из ближайших своих сотрудников – Молотова, Кагановича, Постышева. В команду вошли также два высокопоставленных чекиста – Балицкий и Евдокимов.

Генсек стремился не оставлять следов даже в памяти людей. За исключением Молотова и Кагановича, которым он безгранично доверял, организаторы Голодомора стали жертвами репрессий: Балицкий – в 1937, Постышев – в 1939, Евдокимов – в 1940 г. Ответственность Евдокимова и Постышева не всплыла на поверхность, и они были официально реабилитированы. Балицкий имел за собой другие преступления и реабилитации не подлежал. Молотов и Каганович после смерти Сталина вместе с другими членами высшего партийного руководства сами организовывали процесс реабилитации.

9. Плоды новогодней телеграммы Сталина

Голодомор был инициирован двумя постановлениями республиканских органов власти под одинаковым названием – "О мерах по усилению хлебозаготовок": политбюро ЦК КП(б)У от 18 ноября¹²⁷ и СНК УССР от 20 ноября 1932 г.¹²⁸ Постановление политбюро ЦК КП(б)У за подписью С.В.Косиора адресовалось представителям власти и не публиковалось, пока не попало в корпус документов, опубликованный по постановлению ЦК Компартии Украины «О голоде 1932-1933 годов на Украине и публикации связанных с ним архивных материалов» от 26 января 1990 г. Постановление СНК УССР было подписано В.Я.Чубарем и опубликовано на второй день в газете «Вісті ВУЦВК». Совпадение названий не случайно: меры по усилению хлебозаготовок в правительственное постановление были вписаны из партийного. Но партийное постановление принималось не в Харькове и не тем человеком, который его подписал. Набор мер был обсужден в Кремле перед второй поездкой Молотова в Украину в качестве главы чрезвычайной комиссии. Текст постановления был отработан непосредственно Молотовым, а содержание его принималось к сведению ведущими работниками КП(б)У на харьковском активе. В материалах чрезвычайных комиссий, опубликованных в 2001 г. В.Ю.Васильевым и Ю.И.Шаповалом, приведен текст телеграммы Молотова Сталину от 20 ноября:¹²⁹

«Пришлось два дня пробыть в Харькове.

1)Разработали новые практические указания ЦК по хлебозаготовкам, которые высланы ЦК ВКП(б).

2)Собирали отборный харьковский актив для разъяснения задач в связи с хлебозаготовками, так как у немалой части украинских работников есть оппортунистические колебания в этом вопросе».

Здесь важны тончайшие нюансы: 1) то, что постановление политбюро ЦК КП(б)У готовил Молотов (конечно, Косиор присутствовал при этом); 2) то, что датированное еще 18-м ноября постановление перед рассылкой

ушло в Кремль на согласование; 3) то, что предложенные в Кремле мероприятия по усилению хлебозаготовок не вызвали энтузиазма у «отборного харьковского актива».

В партийном и правительственном постановлениях выдвигалось требование полностью выполнить план заготовок до 1 января и образовать семенные фонды до 15 января 1933 г. Запрещалось использовать семенные фонды, которые были образованы в колхозах, по прямому назначению, если эти колхозы не выполнили план заготовок. Собственно, на все зерно в фондах налагался арест. Цель этой экстраординарной меры раскрывалась в следующем пункте: предоставить райисполкомам право причислять к фонду хлебозаготовок все натуральные фонды колхозов. Артели-должники, которые выдавали натуральные авансы в счет трудодней или для общественного питания сверх установленных норм (15% от фактического обмолота), должны были немедленно организовать возвращение «незаконно розданного хлеба» с тем, чтобы направить его на выполнение плана. Райисполкомам предписывалось организовать изъятие у колхозов, единоличников и рабочих совхозов хлеба, который был разворован во время косовицы, обмолота и перевозки. Этот зловещий пункт означал, что государство санкционирует массовые обыски с немедленной конфискацией имевшихся запасов хлеба, так как определить «украденное» зерно никто не мог.

Пункт об обысках был лишь первой конструктивной особенностью меры по усилению хлебозаготовок, которые со временем развились в чекистскую акцию, вызвавшую Голодомор. Второй такой особенностью был пункт о натуральных штрафах, который числился в правительственном постановлении девятым пунктом: «К колхозам, которые допустили разворовывание колхозного хлеба и злостно срывают план хлебозаготовок, применить натуральные штрафы порядком дополнительного задания по мясозаготовкам в размере 15-месячной нормы сдачи данным колхозом мяса как обобщественного скота, так и скота колхозников. Райисполкомы

применяют эти штрафы с предварительного разрешения в каждом отдельном случае облисполкома».

Партийное постановление дублировало этот пункт правительственного документа, но дополняло его так: «В колхозах, неудовлетворительно выполняющих план хлебозаготовок, в отношении колхозников, имеющих посеvy зерна на приусадебных землях, полностью засчитать все полученное ими с приусадебных земель зерно в счет натуральной выдачи по трудодням с изъятием излишне выданного хлеба на выполнение плана хлебозаготовок».

И, наконец, в постановлении ЦК КП(б)У содержался еще один важный пункт, которого не было в значительно более коротком правительственном постановлении: единоличников, которые не выполняли хлебосдачу (по контрактации или по «самообязательству»), разрешалось штрафовать установлением дополнительных заданий не только по мясозаготовкам (в размере 15-месячной нормы), но и по картофелю (в размере годовой нормы сдачи).

Таким образом, появившиеся по воле Сталина партийно-правительственные постановления республиканского уровня устанавливали ответственность колхозников за невыполнение колхозами хлебозаготовительного плана. Должники должны были отвечать продукцией, выращенной в приусадебном хозяйстве. Единоличники отвечали за несдачу зерна скотом в живом весе или мясом (салом), а также картофелем. Выявление продовольственных запасов, образованных в приусадебном хозяйстве колхозника или в хозяйстве единоличника, могло осуществляться только обыском. Итак, по имеющимся документам, визитной карточкой украинского Голодомора были натуральные штрафы, т.е. конфискация продукции, запасенной к новому урожаю, а также обыски, в ходе которых эта продукция подлежала конфискации.

В постановлении ЦК КП(б)У содержалась (все-таки XX столетие!) стыдливая ремарка: не допускать применения массовых обысков у колхозников и единоличников. Детальнее эта тема раскрывалась в

распоряжении наркомата юстиции УССР от 25 ноября, которое адресовалось прокуратурам. Наркомюст давал прокурорам такую установку: «По вопросу возвращения незаконно розданного хлеба и изъятию у отдельных колхозников и единоличников разворованного хлеба – объясняется:

а) в этой работе надо обязательно опираться на лучших колхозников – ударников, употребляя все меры к тому, чтобы без массовых обысков и администрирования на основе самопроверки достичь эффекта как относительно количества выявленного и возвращенного хлеба, так и в выявлении фактических срывщиков из руководства колхозами, а также бездельников и рвачей, которые хотя не имеют трудодней, но имеют запасы хлеба;

б) надо широко поставить и использовать агентурные возможности с тем, чтобы более всего предотвратить лишние действия, которые не дают никаких результатов»¹³⁰.

«Массовые обыски», «лишние действия»... Эта инструкция цитируется здесь с единственной целью: показать, что республиканская власть воспринимала разработанные в Кремле меры по усилению хлебозаготовок в их первичном значении. Представителям республиканской власти даже в кошмарном сне не могло присниться, что «меры по усилению хлебозаготовок» могут служить лишь маскировкой для акции по изъятию всех продовольственных запасов украинского крестьянства в ходе массовых подворных обысков.

Один из наиболее авторитетных специалистов по крестьянскому вопросу Н.А.Ивницкий опубликовал в 2009 г. книгу "Голод 1932-1933 годов в СССР", где изучил эту трагедию на материале семи регионов, в том числе по УССР. Достаточно подробно проанализировано и постановление политбюро ЦК КП(б)У от 18 ноября 1932 г. – "совершенно исключительное по своим мерам воздействия на колхозы и крестьян"¹³¹. В частности, изложены пункты, в которых шла речь о натуральном штрафовании мясом и картофелем в случае отсутствия у "должников" хлеба. Очевидно, именно эти

пункты следовало бы назвать "совершенно исключительными по своим мерам воздействия". Однако автор не развивает темы, и натуральные штрафы фигурируют у него только как понятие, содержащееся в постановлении политбюро ЦК КП(б)У. Да и само постановление с пунктами о натуральных штрафах автор относит на счет политбюро ЦК КП(б)У, добавляя лишь, что оно составлялось "с участием Молотова".

Здесь возникают сразу два замечания. Во-первых, какими были полномочия главы советского правительства, когда он приехал с мандатом Сталина в Харьков как председатель чрезвычайной хлебозаготовительной комиссии? Неужели эти полномочия заключались только в том, чтобы присутствовать и наблюдать? Во-вторых, в 2001 г. киевское издательство "Генеза" опубликовало на языке оригинала (т.е. на русском) сенсационные материалы чрезвычайных комиссий Молотова в УССР и Кагановича на Северном Кавказе и в УССР. В книге "Командиры Большого голода" изложена история постановления политбюро ЦК КП(б)У от 18 ноября 1932 г., из которой явствует, кому именно следует отдать авторское право на этот документ.

Следующим важнейшим документом, который вскрывает механизм Голодомора, является новогодняя телеграмма И.В.Сталина, адресованная через партийно-правительственные органы УССР украинскому крестьянству. Телеграмма была впервые опубликована в 1990 г., однако не привлекла внимания исследователей.

Аналогичным по форме документом может служить написанное В.И.Лениным 28 декабря 1919 г. "Письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным". Но форма и содержание ленинского письма находятся в гармоническом единстве, как бы его не оценивать. А вот короткая телеграмма Сталина вызывает недоумение: чего, собственно, добивался генеральный секретарь ЦК ВКП(б)? Зачем надо было ему угрожать украинскому крестьянству применением "закона о пяти колосках" в связи с невыполнением хлебозаготовительного плана? В конце концов, такие

планы не часто выполнялись в полном объеме хотя бы потому, что были резиновыми.

Недоумение вызывает и дата сталинской телеграммы – 1 января 1933 г. Сталину в это время было известно, что в УССР не существует подземных "пшеничных городов". За первую декаду декабря 1932 г. Балицкий и его чекисты выявили в республике путем подворных обысков 7 тыс. ям и 100 "черных амбаров", в которых находилось 700 тыс. пудов зерна. Эта операция была широко опубликована в прессе, чтобы все горожане, которым правительство урезало норму снабжения хлебом по карточкам либо вообще сняло их с централизованного снабжения, убедились в том, что украинские кулаки-саботажники пытаются костлявой рукой голода задушить эпохальные завоевания государства диктатуры пролетариата. Поскольку чекисты обыскивали крестьянские подворья квалифицированно, по результатам их деятельности можно сделать два вывода: во-первых, крестьяне действительно пытались утаить от хлебозаготовителей какие-то запасы, чтобы не умереть с голоду; во-вторых, эти запасы в силу их ничтожности не имели государственного значения¹³².

Эти выводы вполне подтверждаются результатами обысков, которые чекисты организовали уже в январе 1933 г. по всей территории Украины. За период с 1 декабря по 25 января было найдено 14 956 ям, 621 "черный амбар" и 1359 других тайных хранилищ, из которых изъято 1718,5 тыс. пудов хлеба¹³³.

Это значит, что за две последних декады декабря и две с половиной декады января ГПУ УССР обнаружило мизерный миллион пудов зерна. Чтобы цифра дошла до миллиона, чекисты включили в нее хлеб, изъятый у городских спекулянтов и при повторном переобмолоте соломы.

Коль скоро у крестьян Украины не оказалось припрятанного от государства хлеба из урожая 1932 г., то в чем заключался смысл сталинской телеграммы? Вот ее текст:¹³⁴

«Сообщается постановление ЦК от 1 января 1933 г.:

Предложить ЦК КП(б)У і СНК УССР широко оповестить через сельсоветы колхозы, колхозников и трудящихся единоличников, что: а) те из них, которые добровольно сдают государству ранее расхищенный и скрытый хлеб, не будут подвергаться репрессиям;

б) в отношении колхозников, колхозов и единоличников, упорно продолжающих скрывать расхищенный и скрытый от учета хлеб, будут применяться строжайшие меры воздействия, предусмотренные постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. (об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной социалистической собственности)».

Смысл телеграммы бросается в глаза путем сопоставления двух ее пунктов. Первый пункт предупреждал, что хлеб надо сдавать, а второй адресовался с угрозами к тем, кто это предупреждение проигнорировал. Но как можно было определить тех, к кому следовало применить угрозы? Только обыском. Телеграмма была сигналом к обыскам, возможность иной интерпретации равняется нулю.

Обкомы КП(б)У, которые немедленно получили текст сталинской телеграммы, уже от себя и в тех же самых выражениях передали эти два взаимосвязанных пункта нижестоящим органам власти. Эти документы найдены в архивах и теперь тоже опубликованы. Нижестоящие органы власти, вплоть до упомянутых в сталинской телеграмме сельсоветов, приняли полученную инструкцию к исполнению. Украину накрыла волна обысков.

К зимним обыскам советская деревня давно привыкла. Так проходили хлебаготовки в зимы 1930-1931 гг. 1931-1932 гг. С легкой руки Кагановича сначала на Северном Кавказе (с 1 ноября 1932г.)¹³⁵, а потом и в УССР (с 6 декабря 1932 г.)¹³⁶ была возрождена забытая со времен гражданской войны идея "черной доски". На "черную доску" ставились станицы и деревни, которые находились в хвосте длинного списка должников по хлебаготовкам. Опубликованный в газетах статус "черной доски"

изобиловал смешными карательными мерами, наподобие изъятия из деревенских лавок имевшегося в них запаса промтоваров. Кто в такое время мог думать о промтоварах? Но уже вводилось законодательство о натуральных штрафах, и оно было немедленно применено к "должникам-чернодосочникам". Что же забирали на крестьянском подворье те, кто приходил с обыском, неужели только предписанные партийно-правительственными постановлениями мясо и картофель? И кто приходил на эти подворья?

Надо помнить о том, как проходила трехлетняя сталинская продразверстка: доведенные до каждой деревни контрольные задания распределялись по дворам методом самообложения, т.е. на сходах. С каждым годом продразверстки в сельских обществах разрушалась традиционная крестьянская солидарность. Вместо нее советская власть насаждала столь необходимое для себя "классовое" противостояние. Из бедноты, которая начинала голодать первой, чекисты Балицкого формировали бригады активистов, которые получали свой "навар" с каждого выявленного при обысках пуда хлеба. Нечего и говорить, что после введения натурального штрафования конфискованные продукты – не обязательно только мясо и картофель – оказывались в распоряжении этих голодных активистов.

Перелистывая страницы доклада комиссии по расследованию украинского голода 1932-1933 гг. Конгрессу США, немецкий специалист по аграрной истории России Ш.Мерль обнаружил, что в УССР зерно изымали преимущественно местные активисты украинской национальности. Отсюда он сделал такой вывод: "И этот факт, с сожалением констатированный в докладе Конгрессу, трудно согласовать с тезисом о геноциде"¹³⁷.

Ш.Мерль не проследил длинную цепочку действий от Кремля до сельских активистов в УССР. Он не понял, что в это время речь шла о других продуктах питания, а не о выращенном в 1932 г. урожае, который либо погиб вследствие абсолютной незаинтересованности производителей в его

сохранении, либо был изъят государством. Если бы он установил эти факты, то его вывод, возможно, был бы иным.

Новогоднюю сталинскую телеграмму нельзя считать прямым документальным подтверждением изъятия у крестьян всего продовольствия, запасенного до нового урожая. Она свидетельствует о том, что Сталин сделал необычный шаг, который может быть интерпретирован только как сигнал к обыскам крестьянских усадеб во всеукраинском масштабе. Но существовало законодательство о натуральных штрафах. Существуют записанные в разное время свидетельства людей, которые выжили во время Голодомора – многие тысячи свидетельств. В один голос они заявляют, что во время обысков у "должников" забирали все съедобное. Во многих случаях оставляли только корову, поскольку действовало постановление ЦК ВКП(б) "О принудительном обобществлении скота" от 26 марта 1932 г. Вот небольшая подборка таких свидетельств¹³⁸.

Федор Капуста, 1900 г. рождения, село Горбы на Полтавщине: "Были организованы бригады в каждом селе, где был сельсовет – и ходили эти бригады к колхозникам и индивидуальникам и забирали все подряд что ни есть. Что нашли – горсть пшена – забирали, что нашли – горсть тыквенных семечек – забирали. И в погребах, где капуста была, свекла квашеная, картошка была – и там забирали все дочиста".

Дмитрий Корниенко, 1918 г. рождения, хутор в Понорницком районе на Черниговщине: "Маму нашу засудили в начале 1933 г. на 8 лет тюрьмы. Сестра моя 27-го года рождения и мы остались еще вроде бы в своих стенах, и поэтому покойная бабушка решила взять нас под опеку, так как не было кому. Я припоминаю такой эпизод. Зашла бригада, которая так называлась – по выкачке хлебазаготовки. Ну и покойная бабушка принесла нам, возможно, она одолжила у своих сыновей, пол стакана пшена сварить нам кашу на вечер. То была послеобеденная пора. И они нашли тот стакан с тем пшеном. Их было где-то может быть пятеро, главным образом чужие, заметил только двух наших в той бригаде. То один только как нашел: – Ага, пшено. – И

спрашивает у остальных: – У кого торба с пшеном, чтобы высыпать то из стакана. И оставил нам тот стакан пустым. Когда они оставили наше помещение, то мы были абсолютно без всякой еды".

Григорий Мороз, 1920 г. рождения, село Николаевка Буринского района на Сумщине: "Брали что попало. Особенно такие были эти активисты, что даже женщины, которые были между ними, то в печи что-то там сваренное, то переворачивали. Как бы ненарочно. Перевернет, чтобы то вылилось, и тогда:

- Ну, чем ты живешь?

- Нет ничего.

- Ну, чем ты живешь?

- Ну, так как, то живу.

- Чего же ты не сдох?"

Галина Белоус, 1927 г. рождения, с.Брагиновка Петропавловского района на Днепропетровщине: "Те, которые приходили с крючками забирать, то все даже выискивали, сени кололи крючками, такими большими и лазали даже на печь и в тех куклах, куда мама бросала кусочки хлеба, или там зернышки какие-нибудь, то забирали и высыпали".

Конфискация наличных продовольственных запасов применялась как карательная мера и ранее. В адресованном в Кремль письме комсомольца Пастушенко (с. Полонистое Бабанского района Винницкой обл.) от 10 февраля 1932 г. (дата поступления письма из секретариата Сталина в ВУЦИК) сообщалось, что у крестьян забрали все: "ни картошки, ни фасоли, ни вики, ни чечевицы, ни гороха, ни гречки, ни проса, ни ячменя, ни овса, ни сои – все до фунта. И свеклу, и капусту квашенную забрали, и забирают курей"¹³⁹. Существуют документы и о том, что конфискация всего продовольствия имела место и в других регионах – как ранее, так и в 1933 г. Однако только в УССР и только в январе 1933 г. (вот в чем значение сталинской новогодней телеграммы!) эта карательная акция была применена почти всюду. Она не коснулась лишь колхозов пограничной полосы и глухих

местностей Полесья, а также колхозов, которые выполнили хлебозаготовительный план (по состоянию на октябрь 1932 г. из наличных в статистической выборке 23270 колхозов годовой план выполнили 1403)¹⁴⁰.

Нельзя утверждать, что обыски с конфискацией всего съестного коснулись каждого крестьянского двора. Контроль Кремля за выполнением директив не был столь проникающим. Но после январской акции чекистов в Украине практически исчезла базарная торговля продовольствием. Осталась только услужливо продвинутая государством в сельские районы сеть магазинов Всесоюзного объединения "Торговля с иностранцами" Они продавали всем желающим любое продовольствие за валюту и лом бытовых драгоценных металлов.

Изъятие еды под прикрытием хлебозаготовок было лишь частью осуществленных Кремлем карательных мер. Создание несовместимых с физическим существованием условий для украинского крестьянства становилось эффективным лишь тогда, когда лишение еды совмещалось с запретом информации о голоде и блокадой голодающих. Запрещение информации не имело документального подтверждения, но общеизвестно, что советское правительство отрицало факт голода в СССР до 25 декабря 1987 г.

Блокада голодающих подтверждается документально. 22 января 1933 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР разослали в соседние с украинскими регионы шифровку такого содержания: "До ЦК ВКП(б) и Совнаркома дошли сведения, что на Кубани и Украине начался массовый выезд крестьян "за хлебом" в ЦЧО, на Волгу, Московскую обл., Западную область, Белоруссию. ЦК ВКП и Совнарком СССР не сомневается, что этот выезд крестьян, как и выезд из Украины в прошлом году, организован врагами Советской власти, эсерами и агентами Польши с целью агитации "через крестьян" в северных районах СССР против колхозов и вообще против Советской власти"¹⁴¹. Этот выразительный документ редактор третьего тома документального сборника "Трагедия советской деревни" И.Е.Зеленин сопроводил такой ремаркой:

Сталин написал его собственноручно (автограф сохранился), и только в перепечатанном экземпляре под ним появилась подпись В.М.Молотова¹⁴².

Конфискация всего продовольствия практически немедленно превращала давно голодавших крестьян из кипящей возмущением в инертную массу. Секретарь Сталиндорфского райпарткома информировал Днепропетровский обком КП(б)У: "отчаяние колхозников дошло до крайнего предела: люди перестали просить помощь, лежат в холодных неотопливаемых избах и ждут смерти"¹⁴³.

Как долго продолжалась чекистская акция по изъятию всего продовольствия? Логично допустить, что она завершилась с началом масштабной продовольственной помощи голодающему крестьянству. В сборнике, напечатанном Федеральным архивным агентством РФ методом цветного ксерокопирования документов, приводится датированный 8-м февраля 1933 г. протокол заседания политбюро ЦК ВКП(б) об отпуске 300 тыс. пудов ржи в распоряжение Северо-Кавказского крайкома и крайисполкома "на продовольственные нужды рабочих совхозов, МТС, а также актива (партийного и беспартийного) нуждающихся колхозов". С той же формулировкой было решено отпустить Днепропетровскому обкому и облисполкому и Одесскому обкому и облисполкому по 200 тыс. пудов ржи. Под этим решением стоит сталинский автограф¹⁴⁴. После того, как "уничтожающий удар" был нанесен и сделал невозможным социальный взрыв, лексика Сталина изменилась. Саботажники превратились в "беспартийный актив колхозов".

Продовольственная помощь государства была лишена элементов благотворительности. Правительственные постановления предусматривали организацию общественного питания во время работ непосредственно на полевых станах. Выдача семян колхозам с государственных элеваторов производилась исключительно в протравленном виде. Не связанная с посевной кампанией продовольственная помощь оказывалась только дошкольным и учебным заведениям, а также семьям, кормильцы которых

находились на службе в армии. После того, как П.П.Постышев и В.А.Балицкий проинспектировали наиболее пострадавшую от голода Киевскую область, появилось постановление ЦК КП(б)У о ходе подготовки к весеннему севу от 31 марта 1933 г. Центральным в нем был девятый пункт: "Предложить Киевскому обкому провести следующие мероприятия в деле организации продовольственной помощи нуждающимся колхозникам и единоличникам: а) прекратить совершенно питание за счет продпомощи трудоспособных колхозников или единоличников, хоть и нуждающихся; б) разделить всех госпитализированных на больных и выздоравливающих, значительно улучшить питание последних с тем, чтобы как можно скорее выпустить их на работу"¹⁴⁵.

Британский специалист по истории СССР Роберт Девис и его австралийский ученик, проф. Стефен Уиткрофт в книге "Годы голодания. Советское сельское хозяйство в 1931-1933 гг." обобщили по архивным данным весь объем государственной помощи деревне в период с февраля по июль 1933 г. Всего по 15 постановлениям Украине было выделено 176,2 тыс. тонн, или 11 млн. пудов продовольственной помощи. Семенная помощь была оказана в размере 298,7 тыс. тонн, фуражная – 82,8 тыс. тонн. По данным этих ученых, УССР и Северный Кавказ получили в пять раз больше хлеба, чем все другие голодающие регионы, вместе взятые¹⁴⁶.

За три месяца зимних заготовок (ноябрь 1932 – январь 1933) в северной группе областей (Винницкая, Киевская, Харьковская и Черниговская) было заготовлено 35,1 млн. пудов зерна, а в южной группе (Днепропетровская, Одесская, Донецкая и Молдавская АССР) – 51,9 млн. пуд¹⁴⁷. Государственная помощь Украине в пересчете на традиционную меру веса составила 34,9 млн. пудов. Государство изъяло из украинского села всего лишь полсотни миллиона пудов хлеба ценой гибели миллионов крестьян. Следовательно, дело было не только и не столько в хлебе, хотя именно на хлебе строилась вся пропагандистская кампания вокруг саботажа украинскими крестьянами государственной политики хлебозаготовок.

Миллионы погибли, ибо были лишены всякой еды. Последовавшая за этой террористической акцией продовольственная помощь оказалась сугубо избирательной и нацеленной на обеспечение весеннего сева.

10. Колхозы во второй пятилетке.

В январе 1933 г. И.В.Сталин объявил об отказе от безразмерной продовольственной разверстки и заменил ее фиксированными поставками хлеба. Государство отныне ограничивалось натуральным налогом с колхозов и единоличных хозяйств, т.е. опосредованно признавало право собственности крестьян на произведенную продукцию. После выплаты налога колхозники могли свободно распоряжаться произведенной в общественном и приусадебном хозяйствах продукцией. Это означало, что колхозы заняли автономную нишу в директивной экономике.

Две акции Кремля – «сокрушительный удар» по украинскому крестьянству и выход продукции колхозников и единоличников на свободный рынок произошли одновременно. Мы не знаем, как развивались бы события, если бы в знаменателе вдруг оказалась только одна из этих акций. Но они состоялись одновременно, и их невозможно рассматривать изолированно, как это до сих пор делалось.

Рассматривая обе акции Кремля под одним знаменателем, можно понять подтекст секретной инструкции И.В.Сталина и В.М.Молотова от 8 мая 1933 г., адресованной руководителям компартийно-советских органов, государственной безопасности, суда и прокуратуры. Она давно известна, так как экземпляр инструкции оказался в захваченном Вермахтом Смоленском архиве. Впервые она была опубликована в февральско-мартовском номере журнала «Социалистический вестник» за 1955 г. «Теперь задача состоит в том, – подчеркивалось в инструкции, – чтобы пойти навстречу растущей тяге единоличных трудящихся крестьян в колхозы и помочь им войти в колхоз, где только и могут они уберечь себя от опасности обнищания и голода»¹⁴⁸.

Слово «голод» было ключевым. Сталинское государство в это время доказало, что не остановится перед организацией голода: в украинских и кубанских селах весной 1933 г. люди умирали ежемесячно сотнями тысяч. Собственно, в начале мая ситуация в советской деревне перестала быть политически опасной. Терроризированные голодом крестьяне видели единственный путь к спасению в том самом государстве, которое так жестоко обошлось с ними. Исходя из этой ситуации, Сталин и Молотов рекомендовали представителям советской власти прекратить применение на селе «массовых выселений и острых форм репрессий».

Подтекст инструкции вытекал из того, что репрессии для Кремля были не самоцелью, а методом реализации программы РКП(б) 1919 г. Сталин уничтожал голодом миллионы крестьян, лишь бы только дальше продвинуться в коммунистическом строительстве. Когда это было сделано, на передний план вышла другая задача: понудить умиравшее от голода крестьянство эффективно работать в колхозах. С этой целью впервые в мирных условиях были созданы партийные органы, которые взяли на себя непосредственное управление производством – политотделы МТС и совхозов.

Даже не задумываясь о связи между вынужденной коррекцией планов коммунистического строительства и карательной акцией против украинского крестьянства, великий украинский мыслитель XX ст. И.Лисяк-Рудницкий сделал правильные выводы. В статье, впервые опубликованной парижским польскоязычным журналом «Культура» в 1956 г., он писал: «Массовое сопротивление украинского крестьянства коллективизации угрожало срывом амбициозных хозяйственных планов Сталина. Отсюда особый гнев и мстительность Сталина против Украины. С этим совпадали ресантименты русского чиновничества, возмущенного украинским «нахальством». Сталин и возглавленная им русско-советская бюрократия решили «научить хохлов разуму». Жертвы, понесенные Украиной вследствие сталинской политики, были ужасные»¹⁴⁹.

Словосочетание «научить хохлов разуму» парадоксально совпадает с выражением С.В.Косиора «научить колхозников уму-разуму» в письме к Сталину от 15 марта 1933 г. (историкам это письмо известно только с 1990 г.). Украинский генсек жаловался всесоюзному на низкие темпы посевной кампании в таких выражениях: «То, что голодание не научило еще очень многих колхозников уму-разуму, показывает неудовлетворительная подготовка к севу как раз в наиболее неблагоприятных районах»¹⁵⁰. Ничего странного в этом совпадении нет. Террористическая политика «воспитания убийством» вызвала одинаковые ассоциации у людей разных исторических эпох.

Утопию невозможно было реализовать в полном объеме с помощью насилия в силу того, что она все-таки оставалась утопией. Сталин не сразу убедился в том, что колхозный строй неспособен существовать даже в силовом поле диктатуры в том виде, как он сложился в 1930-1932 гг. Как создатели государства-коммуны, так и крестьяне-собственники вынуждены были оставить первоначально заявленные позиции. Персонифицированное Сталиным государство отказалось от безразмерной продовольственной разверстки, которая обрекала крестьян на рабскую работу в принудительно созданных колхозах. Крестьяне отказались от бойкота общественного хозяйства колхоза и смирились с обязательными, но твердо зафиксированными поставками зерна.

Своеобразный консенсус между государством и крестьянством был закреплен Примерным уставом сельскохозяйственной артели, который принял в феврале 1935 г. Всесоюзный съезд колхозников-ударников. Устав ограничивал (четвертью или половиной гектара, в зависимости от местных условий) размеры приусадебных участков. Мотивы такого ограничения откровенно объяснил в выступлении на съезде глава колхоза им. Куйбышева Путивльского района Черниговской области С.Орехов: «Ясно, товарищи, что размер усадьбы надо сократить, ее надо сделать такой, чтобы не препятствовала колхознику ходить на работу»¹⁵¹.

После Голодомора украинским крестьянам пришлось принять те правила игры, которые привыкли к хозяйствованию в общине русские колхозники приняли сразу. Чтобы упредить угрозу голодания, которая постоянно нависала над ними после образования колхозов, они обязались добровольно и тяжело работать в общественном хозяйстве. Отвергнув рабскую работу в коммуне, они согласились на крепостную работу в артели.

Этот излом в ментальности, который произошел одновременно, в силу того, что был спровоцирован Голодомором, хорошо иллюстрируется рассказом председателя колхоза им. Постышева (Днепропетровская обл.) Е.Косых о борьбе его односельчан за урожай 1933 г.: «Мы повесили на своих домах замки. Мы перевели правление колхоза, сельсовет, ячейку (партийную ячейку – авт.) и кооперацию в борозду. Мы всем селом – от мала до велика – вышли таскать пырей, травить мышей и сусликов. И пошло дело, которому мы сами удивлялись. Одну стогектарку пололи два раза, и три, и даже пять. И вот из супесчаных наших участков, из убогих наших гектаров мы взяли по 15 центнеров яровой и озимой пшеницы, по 17 центнеров сортового овса, по 13 центнеров кукурузы и по 15 – ячменя. На трудодень получили свыше пуда зерна и 3 рубля 90 коп. деньгами»¹⁵².

Жатва 1933 г. сопровождалась в Украине огромными потерями. Причиной их было уже не столько нежелание колхозников добросовестно работать, как в прошлые годы, сколько физическая неспособность к работе. Во многих районах, которые особенно пострадали, ощущался сильный дефицит рабочих рук. Его преодолевали путем создания мобильных бригад из колхозников менее пострадавших районов, а также отказом на определенное время от очередного набора в территориальные части Красной армии. Значительную роль на жатве сыграли красноармейцы, рабочие крупных предприятий и студенческая молодежь. Упомянув в 1934 г. недостатки прошлогодней кампании, С.В. Косиор указал, что потери зерна, по наиболее скромным подсчетам, достигали нескольких сотен миллионов

пудов, и лишь хороший урожай "в определенной мере затер все прорехи в жатве"¹⁵³.

В предыдущие годы при неплохих урожаях потери тоже были колоссальными. Реальный урожай 1932 г. вообще не подлежит определению. Ситуация 1933 г. оказалась иной для государства вследствие перехода от разверстки к закупкам. В 1930–1932 гг. оно забирало в деревне все, что могло обнаружиться, но с каждым годом обнаруживало все меньше. А вот план хлебозаготовок из урожая 1933 г. УССР выполнила уже в начале ноября. Колоссальные потери не повлияли на государственный план, ведь обязательные поставки исчислялись из урожая на корню. Пострадало обессиленное от голода крестьянство.

Хотя колхозное крестьянство отвоевало себе автономные позиции в командной экономике, оно вынуждено было отдавать государству слишком большую часть произведенного продукта. Сопоставим схожие по погодным условиям 1933 и 1936 гг. При урожае зерновых на корню в 1 419 млн. пудов и поставках государству в 317 млн. пудов товарность зерновых в 1933 г. формально равнялась 22,3%. Это — на уровне второй половины 1920-х гг., приблизительно две трети дореволюционной товарности. Однако в этом году, как и в предыдущие, наблюдались огромные потери выращенной продукции. Чтобы определить реальный уровень товарности зерновых, необходимо учесть эти потери. Если предположить, что была утрачена треть урожая (эта величина взята на основе оценок компартийно-советских руководителей и, независимо от них, иностранных экспертов того времени), то удельный вес зерна, поступившего государству, повысится до 33,5%. Такой уровень товарности не уступал дореволюционному. В 1936 г. биологический урожай составлял 221 млн. центнеров, или 1 381 млн. пудов. Государство заготовило 545 млн. пудов, т.е. больше, чем за любой предыдущий год, включая период продразверстки 1930–1932 гг. Удельный вес хлебозаготовок в биологическом урожае составил 39,5%. Амбарный урожай всегда меньший, поэтому действительная товарность превышала

40%. Более точную цифру назвать нельзя, не зная потерь от поля до амбара. Тем не менее известно, что после нормализации положения в сельском хозяйстве потери сократились до минимума и реальная товарность не намного превышала 40- процентную отметку.¹⁵⁴

Сопоставление 1933 и 1936 гг. свидетельствует о том, что государство обратило в свою пользу всю экономию, полученную в сельском хозяйстве благодаря преодолению потерь. Однако после отказа от продразверстки в жизненном уровне колхозного крестьянства тоже произошли положительные изменения. Колхозы начали расширять свои подсобные отрасли — садоводство, городничество, птицеводство, пчеловодство, прудовое хозяйство. В связи с этим активизировалось участие трудоспособных членов семей в общественном хозяйстве. В 1937 г. каждый колхозный двор в степной зоне Украины получил на трудодни в среднем по 149 пудов хлеба. Это был существенный довесок продукции, которая производилась на полугектарном приусадебном участке. За 1934–1937 гг. колхозники приобрели полтора миллиона коров и телок. На 100 хозяйств колхозников в 1937 г. приходилось 118 голов крупного рогатого скота¹⁵⁵.

11. Демографические последствия Голодомора

Демографические последствия общесоюзного голода и карательной акции сталинских чекистов были столь ужасны, что их не удалось надежно спрятать за "железным занавесом". По миру стали кружить слухи о гибели в СССР миллионов людей. Чтобы прекратить их, Сталин взял на себя функцию монопольного информатора по вопросам смертности, рождаемости и общей численности населения. Выступая на XVII съезде ВКП(б) в январе 1934 г., он сделал ударение на росте численности населения СССР со 160,5 млн. человек в конце 1930 г. до 168 млн. в конце 1933 г.¹⁵⁶ Последняя цифра была суммой двух величин: опубликованной статистическими органами оценки численности населения на начало 1933 г. (165,7 млн.) и годового естественного прироста, который в начале 30-х гг. составлял примерно 2,5

млн. человек. Обнародованием этой цифры Сталин давал понять, что в СССР не было голода.

«Липовая» сталинская цифра численности населения использовалась только в пропагандистских изданиях. Демографы не публиковали официальных данных о численности населения на начало каждого года, как делали это раньше. «Не уйти от впечатления, – писал Александр Бабёнышев (Максудов), – что руководители страны и даже демографы не имели в 1930-37 реального представления о последствиях проводимых социальных мероприятий. Они не могли не догадываться, что голод и массовая смертность в деревне меняют демографическую картину, но как и насколько – не ведали»¹⁵⁷.

Неизвестно, кто предупредил Сталина о политических угрозах, которые несла с собой будущая перепись населения. Но дата предупреждения легко определяется. 27 июня 1936 г. ЦИК и СНК СССР запретили аборт (запрет сохранялся до ноября 1955 г.). В Украине число рождений возросло с 766 тыс. в 1935 г. до 1214 тыс. в 1937 г.¹⁵⁸ Тем не менее, до переписи оставалось мало времени, и запрет абортов существенным образом не отразился на совокупной численности населения.

Перепись прошла в ночь на 6 января 1937 г. Начальнику Центрального управления народнохозяйственного учета УССР И.Кравалю и другим руководителям переписной кампании были присвоены высокие правительственные награды. В газетах и журналах начали публиковаться первые выборочные данные переписи. Все оборвалось, когда союзные республики передали в Москву сведения о суммарном количестве переписанного населения. В частности, численность населения УССР в 1937 г. оказалась меньшей, чем по переписи 1926 г.

Сопоставление двух переписей по десяти наибольшим по численности народам СССР убедительно показывало катастрофу, которую пережили украинцы и казахи. Если численность народа в 1926 г. взять за 100, то в 1937 г. соответствующий индекс равнялся: у армян – 125,5; татар – 125,2;

азербайджанцев – 125; русских – 120,7; грузин – 115,3; узбеков – 115,0; белорусов – 102,9; евреев – 101,6. А вот численность украинцев уменьшилась до 84,7; казахов – до 72,3¹⁵⁹. Главной причиной уменьшения численности украинцев и казахов был голод. Увеличение численности русских объяснялось не высоким естественным приростом, а отказом от политики коренизации за пределами республик с соответствующими «титულными нациями». Другими словами, украинцы и белорусы, которые постоянно проживали за пределами своих республик, во время переписи 1937 г. часто регистрировались как русские.

Демографические потери от Голодомора на протяжении десятилетий являются предметом яростных дискуссий¹⁶⁰. Автор этого раздела в 1990 г. договорился о подготовке совместной статьи с ведущими специалистами в области советской демографической статистики – руководителем центра советских и восточноевропейских исследований при Мельбурнском университете С.Уиткрофтом и профессором Гарвардского университета А.Бабенышевым (известным в мире под псевдонимом Максудов). Расчеты оказались достаточно сложными, а главное – коллеги усомнились в качестве некоторых статистических данных. Моя оценка прямых потерь от голода 1933 г. в УССР составила 3238 тыс., а с поправкой на неизбежные неточности статистики естественного и особенно механического движения населения – от 3 до 3,5 млн. человек. Полные потери, с учетом сверхнормативной смертности в 1932 г. (144 тыс.) и падения рождаемости под влиянием голода в 1932-1934 гг., составляют 4649 тыс., а с поправкой на неточность расчета – 4,8 млн. человек (в максимуме). В приведенных здесь данных, которые были впервые опубликованы в 1990 г.¹⁶¹, использованы показатели, рассчитанные Максудовым (их расчет требовал специальных знаний, которыми не обладают историки). Техника расчетов и итоговые цифры потерь (у каждого автора – свои) были опубликованы в совместной статье в 1991 г.¹⁶²

Продолжая заниматься этой проблемой, С.Уиткрофт убедился в достаточной надежности советской демографической статистики, а частично смог ввести свои поправки, чтобы повысить ее надежность, после чего опубликовал (в 2001 г.) свои расчеты потерь по УССР и ССРСР в приложении к документальному сборнику "Трагедия советской деревни"¹⁶³. Его конечный вывод таков: "По одной лишь Украине можно было бы говорить о 3-3,5 млн. дополнительных смертей, а по ССРСР в целом, видимо, о 6-7 млн."¹⁶⁴

Принципиально иная методика расчетов (методом передвижения возрастной структуры народонаселения), которую применил директор Института демографии и социальных исследований С.И.Пирожков, дает возможность определить прямые и опосредованные потери от голода, включая снижение рождаемости в показателях естественного движения населения, и репрессии, включая депортации по социальному или национальному признакам – в показателях механического движения населения. В 1998 г. эти потери определялись им за период 1929-1938 гг. в 4,8 млн. человек¹⁶⁵.

По просьбе Украинского института национальной памяти ученые Института демографии и социальных исследований в 2008 г. заново проделали расчеты потерь от Голодомора. По их данным совокупные демографические потери в 1932-1933 гг. составляют 4,5 млн. человек. Из этого количества 3,4 млн. относится к превышению нормального уровня смертности, которое было вызвано голодом, а 1,1 млн. – к понижению нормального уровня рождаемости вследствие этой же причины¹⁶⁶.

---

¹ Кульчицкий С.В. Ціна "великого перелому". – К., 1991. – С.302. Рукопись подписана к печати летом 1990 г.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т.31. – С.116.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. – М., 1965. – С.48.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т.36. – С.378.

⁵ Історія Радянської Конституції в декретах і постановах Радянського уряду. 1917-1936. — К., 1937. — С.114.

-
- ⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – Т.2. – М., 1983. – С.86-87.
- ⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т.44. — С.41.
- ⁸ Кульчицький Станіслав. Комунізм в Україні: перше десятиріччя (1919-1928). — К., 1996. — С.126.
- ⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т.39. — С.337.
- ¹⁰ Там же. — Т.42. — С.181.
- ¹¹ Там же. — С.149-150.
- ¹² Там же. — С.179.
- ¹³ Бухарин Н.И. Избранные произведения. – М., 1988. – С.20.
- ¹⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т.43. – С.227.
- ¹⁵ Там же. – Т.45. – С.376.
- ¹⁶ Там же. – С.370.
- ¹⁷ Там же – С. 372.
- ¹⁸ См. например: Кульчицький С.В. Концепція "кооперативного соціалізму"// Український історичний журнал, 1995, №2. – С.3-17.
- ¹⁹ Сталин И. Сочинения. – Т.11. – С.90.
- ²⁰ Там же. — Т.10. — С.221, 222, 225.
- ²¹ Там же – С.305.
- ²² Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927-1932 гг. — М., 1989. — С.21.
- ²³ Сталин И. Сочинения. — Т.11. – С.4.
- ²⁴ Там же – С.5-8.
- ²⁵ Там же. — Т.12. — С.88.
- ²⁶ Там же. – С.88-89.
- ²⁷ Вісті ВУЦВК (Харьков), 1929, 14 июля.
- ²⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – Т.4. – М., 1970. – С.43.
- ²⁹ См.: Кульчицький С.В. Ціна «великого перелому». – С.85-86.
- ³⁰ Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства. 1927-1935. – М., 1987. – С.196-197.
- ³¹ Голод 1932-1933 років в Україні: причини та наслідки. – К., 2003. – С.348.

-
- ³² В 1996 Г.Х.Попов переработал свою первую статью, существенно расширив ее проблематику. См: Программа, которой руководствовался Сталин // Попов Гавриил. Теория и практик социализма в XX веке – М., 2006. – С.15-29.
- ³³ Кульчицкий С.В. Ціна «великого перелому». – С.80.
- ³⁴ Трагедия советской деревни. – Т.2. – М., 2000. – С.336-342.
- ³⁵ Там же. – С.63.
- ³⁶ Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). По материалам Политбюро ЦК ВКП(б) и ОГПУ// Судьбы российского крестьянства. – М., 1996. – С.43-44.
- ³⁷ Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства. 1927-1935. – С.259.
- ³⁸ Судьбы российского крестьянства. – С.269.
- ³⁹ Трагедия советской деревни. – Т.2. – С.270.
- ⁴⁰ Там же. – С.305.
- ⁴¹ Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927-1932 гг. – С.390.
- ⁴² Правда (Москва), 1937. – 1 апреля.
- ⁴³ Lynne Viola. Peasant rebels under Stalin. Collectivisation and the Culture of Peasant Resistance. – New York, Oxford, 1996. – P.138-139.
- ⁴⁴ Terry Martin. The 1932-1933 Ukrainian Terror: New Documentation on Surveillance and the Thought Process of Stalin // Famine – Genocide in Ukraine. 1932-1933. Western archives, testimonies and new research. – Toronto, 2003. – P.104.
- ⁴⁵ Гриневич Л.В. Виявлення національної ідентичності українського селянства в роки колективізації// Голод 1932-1933 років в Україні: причини та наслідки – С.421-425.
- ⁴⁶ История Коммунистической партии Советского Союза. – Т.1, кн.2. – М., 1971. – С.158.
- ⁴⁷ Історія колективізації сільського господарства УРСР. – Т.2. – К., 1965. – С.554-555.
- ⁴⁸ Сталин И. Сочинения. – Т.12. – С.286.
- ⁴⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – Т.4. – М., 1970. – С.450.
- ⁵⁰ Вознесенский Н.А. Хозрасчет и планирование на современном этапе. – Детское Село, 1931. – С.12, 16.
- ⁵¹ XVI съезд ВКП(б). Стенографический отчет. – М.-Л., 1930. – С.37.
- ⁵² Сталин И. Сочинения. – Т.12. – С.307.
- ⁵³ Трагедия советской деревни... – Т.2. – С.383-384.

-
- ⁵⁴ Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР, 1930, №24. – Ст.256
- ⁵⁵ Слинько І.І. Соціалістична перебудова і технічна реконструкція сільського господарства України. – К., 1961. – С.281-282.
- ⁵⁶ Голод 1932-1933 років в Україні: причини та наслідки. – С.394-395.
- ⁵⁷ Слинько І.І. Соціалістична перебудова і технічна реконструкція сільського господарства України. – С.282.
- ⁵⁸ Бабко Ю., Бортничук М. Третя Всеукраїнська конференція КП(б)У. – К., 1968. – С.81.
- ⁵⁹ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. – М., 1952. – С.511.
- ⁶⁰ Там же. – Т.11. – С.7.
- ⁶¹ Трагедия советской деревни. – Т. 3. – М., 2001. – С.137-140.
- ⁶² Там же. – С.217, 218.
- ⁶³ Там же. – С.239.
- ⁶⁴ Там же. – С.240.
- ⁶⁵ Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках. – М., 1963. – С.196.
- ⁶⁶ Колективізація і голод на Україні. 1929-1933. Збірник документів і матеріалів. – К., 1992. – С.366.
- ⁶⁷ Партактивіст (Харків), 1932. – № 9. – С.2.
- ⁶⁸ Кульчицький С.В. Ціна «великого перелому». – С.230-231.
- ⁶⁹ Голод 1932-1933 років в Україні: причини та наслідки. – С.389.
- ⁷⁰ Трагедия советской деревни. – Т.3. – С.363-365.
- ⁷¹ Голод 1932-1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів. – К., 1990. – С.153.
- ⁷² Командири великого голоду. Поїздки В.Молотова і Л.Кагановича в Україну та на Північний Кавказ. 1932-1933 гг. – К., 2000. – С.222-223.
- ⁷³ Там же. – С.222.
- ⁷⁴ Сталин и Каганович. Переписка 1931-1936 гг. – М., 2001. – С.179.
- ⁷⁵ Трагедия советской деревни. – Т.3. – С.420.
- ⁷⁶ Там же. – С.427.
- ⁷⁷ См.: Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Документы и материалы. Том 3, кн. 2 (1932-1934). – М., 2005. – С.195-198, 201.
- ⁷⁸ Ивницкий Н.А. Голод 1932-1933 годов в СССР. – М., 2009. – С.136.
- ⁷⁹ Голод 1932-1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів. – С.148.

-
- ⁸⁰ Командири великого голоду. – С.226-227.
- ⁸¹ Голод 1932-1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів. – С.184.
- ⁸² Там же. – С.150.
- ⁸³ Там же. – С.152.
- ⁸⁴ Там же. – С.158.
- ⁸⁵ Трагедия советской деревни. – Т.3. – С.407.
- ⁸⁶ Там же. – С.421.
- ⁸⁷ Голод в СССР. 1930 – 1934. – М., 2009. – С.161.
- ⁸⁸ Голод 1932-1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів. – С.134.
- ⁸⁹ Там же. – С.146.
- ⁹⁰ Трагедия советской деревни. – Т.3. – С.362-363, 365.
- ⁹¹ Сталин и Каганович. Переписка. 1931-1936. – С.169.
- ⁹² Голод 1932-1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів. – С.190.
- ⁹³ Там же. – С.123.
- ⁹⁴ Сталин. Сочинения. – Т.13. – С.183.
- ⁹⁵ XVII конференция ВКП(б). Стенографический отчет. – М., 1932. – С.180, 193, 211.
- ⁹⁶ Комуністична партія України в резолюціях і рішеннях з'їздів, конференцій і пленумів ЦК. – Т.1, К., 1976. – С.734-735.
- ⁹⁷ Трагедия советской деревни. – Т.3. – С.298.
- ⁹⁸ Сталин И. Сочинения. – Т.13. – С.252.
- ⁹⁹ Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. – 1932, №31. – Ст.190.
- ¹⁰⁰ Сталин И. Экономические проблемы социализма в СССР. – М., 1992. – С.93.
- ¹⁰¹ Сталин и Каганович. Переписка, 1931-1936. – С.240-241.
- ¹⁰² Командири великого голоду. – С.209, 214.
- ¹⁰³ Трагедия советской деревни. – Т.3. – С.453-454.
- ¹⁰⁴ Кульчицкий С.В. Ціна «великого перелому». – С.212.
- ¹⁰⁵ Ивницкий Н.А. Голод 1932-1933 годов в СССР. – С.115.
- ¹⁰⁶ Там же. – С.116.
- ¹⁰⁷ Голод в СССР. 1930--1934. – С.120-121.
- ¹⁰⁸ Там же. – 122.
- ¹⁰⁹ Сталин и Каганович. Переписка. 1931-1936 гг. – С.179.
- ¹¹⁰ История Украины. Научно-популярные очерки. – М., 2008. – С.643.
- ¹¹¹ Кульчицкий С.В. Ціна «великого перелому». – С.313.

-
- ¹¹² Сталин и Каганович. Переписка 1931-1936 гг. – С.166-167.
- ¹¹³ Кульчицький Станіслав. Голодомор 1932-1933 гг. як геноцид: труднощі усвідомлення. – К., 2007. – С.260.
- ¹¹⁴ Там же. – С.261.
- ¹¹⁵ Трагедия советской деревни. – Т.3. – С.559.
- ¹¹⁶ Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) 1923-1938 гг. – Т.3. 1928-1938 гг. – М., 2007. – С.589, 657, 658.
- ¹¹⁷ Трагедия советской деревни. – Т.3. – С.528-529.
- ¹¹⁸ Командиры великого голоду. – С.236.
- ¹¹⁹ Трагедия советской деревни. – Т.3. – С.548.
- ¹²⁰ Голод 1932-1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів. – С.341.
- ¹²¹ Там же. – С.289.
- ¹²² Кульчицький С.В. Ціна «великого перелому». – С.303.
- ¹²³ Там же. – С.304.
- ¹²⁴ Там же. – С.305.
- ¹²⁵ Шаповал Ю., Золотарьов В. Всеволод Балицький: особа, час, оточення. – К., 2002. – С.188, 388.
- ¹²⁶ Голод 1932-1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів. – С.295.
- ¹²⁷ Там же. – С.250-260
- ¹²⁸ Колективізація і голод на Україні. 1929-1933. – С.548-549.
- ¹²⁹ Командиры великого голоду. – С.239.
- ¹³⁰ Колективізація і голод на Україні. 1929-1933. – С.550.
- ¹³¹ Ивницкий Н.А. Голод 1932-1933 годов в СССР. – С.157-158.
- ¹³² Кульчицький Станіслав. Голодомор 1932-1933 рр. як геноцид: труднощі усвідомлення. – С.280
- ¹³³ Там же. – С.299
- ¹³⁴ Голод 1932-1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів. – С.300.
- ¹³⁵ Командиры великого голоду. – с.43.
- ¹³⁶ Кульчицький С.В. Ціна "великого перелому". – С.283-284.
- ¹³⁷ Мерль Ш. Голод 1932-1933 годов – геноцид украинцев для осуществления политики русификации?// Отечественная история (Москва). – 1995, №1. – С.56.
- ¹³⁸ Кульчицький Станіслав. Голод 1932-1933 рр. в Україні як геноцид: мовою документів, очима свідків. – К., 2008. – С.204-208.
- ¹³⁹ Колективізація і голод на Україні. 1929-1933. Збірник документів і матеріалів. – С.45.

-
- ¹⁴⁰ Кульчицький С.В. Ціна "великого перелому". – С.258-259.
- ¹⁴¹ Трагедия советской деревни. – Т.3. – С.635.
- ¹⁴² Там же. – С.32.
- ¹⁴³ Голодомор 1932-1933 років в Україні. Документи і матеріали. – К., 2007. – С.699.
- ¹⁴⁴ Голод в СССР. 1930-1934. – С.244.
- ¹⁴⁵ Голод 1932-1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів. – С.473.
- ¹⁴⁶ Davies R.W., Wheatcroft Stephen. The Years of Hunger. Soviet Agriculture, 1931-1933. – Palgrave Macmillan, 2004. – p.418-484.
- ¹⁴⁷ Кульчицький С.В. Ціна "великого перелому". – С.303-304.
- ¹⁴⁸ Трагедия советской деревни. – Т.3. – С.746-747.
- ¹⁴⁹ Лисяк-Рудницький І. Історичні есе. – Т.2. – К., 1994. – С.297-298.
- ¹⁵⁰ Голод 1932-1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів. – С.443.
- ¹⁵¹ Див.: Вылцан М.А. Завершающий этап создания колхозного строя. 1935-1937. – М., 1978. – С.28.
- ¹⁵² Див.: Калинин М.И. Выполняем заветы Ленина. – М., 1934. – С.68.
- ¹⁵³ Комунист (Київ), 1934, 17 червня.
- ¹⁵⁴ Кульчицький Станіслав. Голодомор 1932-1933 гг. як геноцид: труднощі усвідомлення. – С. 360-361.
- ¹⁵⁵ История Украинской ССР. Том 7. — К., 1984. — С. 422-423.
- ¹⁵⁶ Сталин И. Сочинения. – Т.13. – С.332.
- ¹⁵⁷ Максудов. Потери населения СССР. – Бенсон (Вермонт), 1989. – С.272.
- ¹⁵⁸ Рудницький О.П. Демографічні наслідки голоду 1932-1933 гг. в Українській РСР // Історія народного господарства та економічної думки Української РСР. – Вип. 24. – К., 1990. – С.25.
- ¹⁵⁹ Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. – М., 1991. – С.97.
- ¹⁶⁰ Обзор этих дискуссий см.: Кульчицький Станіслав. Голодомор 1932-1933 рр. як геноцид: труднощі усвідомлення. – С.362-415.
- ¹⁶¹ Кульчицький С.В. Трагічна статистика голоду// Голод 1932-1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів. – С.66-85.
- ¹⁶² Кульчицький С., Максудов С. Втрати населення України від голоду 1933 р.// Український історичний журнал (Київ). – 1991, №2.
- ¹⁶³ Уиткрофт С. О демографических свидетельствах трагедии советской деревни// Трагедия советской деревни. – Т.3. – С.866-887.
- ¹⁶⁴ Там же. – С.885.

---

¹⁶⁵ Пирожков С. Смертність населення України та демографічні втрати в екстремальній ситуації// Голод 1946-1947 років в Україні: причини і наслідки. Міжнародна наукова конференція. Київ, 27 травня 1997 р. Матеріали. – К., Нью Йорк, 1998.

¹⁶⁶ Демографічна катастрофа в Україні внаслідок Голодомору 1932-1933 років: складові, масштаби, наслідки. Науково-аналітична доповідь. – К., 2008. – С.84.